

О ЛИРИКЕ
А. С. ПУШКИНА

Р. ПЛЕТНЕВ .

МОНРЕАЛЬ .
А.Д. МСМЛXIII

Р. Плетнев.

О ЛИРИКЕ ПУШКИНА .

LYRIQUE de A. POUCHKINE

par
R. PLETNEV.

Склад Издательства
А. Тимофеев.
Shuter Str. 3456, Apt. 3
MONTREAL, QUE.
CANADA .

COPYRIGHT BY AUTHOR

MONTREAL
A. D. MCMLXIII

Printed by „Monastery Press“ 8601 Bloomfield Ave. Montreal, Que.

Наборъ и печать типографіи Братства преп. Іова Почаевскаго въ Монреалѣ. Канада.

О Лирике А. С. Пушкина

Р. В. Плетнев.

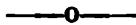

МОНРЕАЛЬ .
А. D. MСMLXIII .

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН .

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мне хотелось с возможной сжатостью дать обзор развития лирики Пушкина, разнообразия его тем, исключительной искренности и правдивости поэта и его мастерства.

На каждой странице я останавливался: нельзя ли короче! — Сжатость, предельная краткость — завет Пушкина. Но, кроме этого требования, хотелось, найдя, подчеркнуть, повторить иным способом, самое заветное в лирике поэта.

Лично моим и, пожалуй, самым ответственным отделом служит разбор шести основных тем лирики в главах VIII и IX.

Эти комментарии-анализы являются плодом сорокалетних раздумий, изысканий и чувствований. Если читатель задумается, если нечто новое откроется ему в стихах Пушкина, цель книги вполне достигнута.

Все предшествующие главы, хотя и имеют свое бытие и свой смысл, служат вступлением к «сердцу» этой книги — ее двум последним главам.

ВСТУПЛЕНИЕ.

В 1949 г. Джек Линдсей*) на юбилейных торжествах сказал: “Пушкин — одна из тех гигантских фигур, которые запечатлели навеки целую эпоху в жизни своего народа в момент величайшего напряжения его национальных сил. В этом смысле он стоит в одном ряду с Гомером, Данте, Шекспиром, Сервантесом . . . “

В творчестве Пушкина особое место занимает лирика. Н. Степанов **) заметил в 1959 г.: “Лирика Пушкина — наименее изученная область его творчества“. Вот именно потому наша книга и будет посвящена ее изучению. С двух точек зрения я думаю подойти к лирике поэта. Те-

*) Сборник “А. С. Пушкин“. 1799-1949. Материалы юбил. торж. М. Л. 1951. Стр. 60-61.

**) Н. Степанов: Лирика Пушкина. 1959 г., стр. 3, и Б. Томашевский: Пушкин. I, 1956, стр. 78.

мы и образы, и развитие, эволюция лирики, как таковой. Вопросы же влияний, совпадений, формальной зависимости мне кажутся, при всей их историко-литературной значимости, вопросами второстепенными и связанными с первыми двумя точками зрения.

Но что же такое лирика? — Слово это связано с древнегреческим названием *мира* — четырех, или семиструнного музыкального инструмента; играли на нем палочкой или пальцами, чаще всего сопровождая свое пение. (Пение, сопровождаемое игрою на флейте, называлось элегия). В Греции же в переносном смысле слово лирика значило и поэзию личных чувств *).

Грубо, но четко можно выразиться и так: эпос — рассказывает о прошлых событиях; драма — представляет на сцене жизнь людей; лирика говорит о личных чувствах любви, гнева, восторга, насмешки, любования, о переживаниях или мыслях автора в связи с его эмоциями. Таково было толкование лирики и в “Эстетике” Ф. Гегеля.

Хотя и есть лирические пассажи, отступления в прозе, и существуют “стихотворения в прозе” (Н. Гоголь, Л. Толстой, И. Тургенев и др.), но лирика по своей природе связана с поэзией, т. е. метром — размером и мелодикой стиха и с небольшим, сравнительно, размером произведения.

Г. Державин (1811 г.) писал: “Лирическая поэзия... есть самая древняя у всех народов; это отлив разгоряченного духа; отголосок растроганных чувств; упоение, или излияние восторженного сердца“. А. Мерзляков (поэт и профессор красноречия) подчеркивал: “стремительность всеувлекающей страсти“; В. Белинский заметил: лирика “плод мгновенной вспышки фантазии, мгновенное излияние чувства“.

По мнению Пушкина (письмо к В. Жуковскому о “Цыганах“) “Цель поэзии — поэзия — как говорит Дель-

*) О, лирикос — лирический поэт, лирик; лиридо — играть на лире.

виг (если не украл этого)“. Сам поэт отметил в зрелые годы, что: ”Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии“. Решающим же моментом в лирическом творчестве является талант и личные переживания в связи с эпохой в жизни общества, к которому принадлежит поэт.

Я не согласен с мнением тех исследователей, что полагают ”отожествление образов и мотивов лирики с конкретными фактами духовной и внешней биографии поэта давно уже доказало свою несостоятельность” *).

Помогает при изучении лирики и биографический метод и распределение матерьяла по тематическим циклам и по периодам духовного развития. Развитие же поэта связано с историей развития языка и сменой литературных школ. Сравните расцвет русской лирики в Пушкинскую эпоху.

Н. Гоголь в критической статье-заметке о русской поэзии дал такую характеристику выдающихся лириков своей эпохи с точки зрения духа стиха: ”... У каждого (поэта) свой стих и свой особенный звон. Этот металлический, бронзовый стих Державина, которого до сих пор не может еще позабыть наше ухо; этот густой, как смола или струя столетнего тока стих Пушкина; этот сияющий праздничный стих Языкова, влетающий как луч в душу, весь сотканный из света; этот облитый ароматами полудня стих Батюшкова, сладостный, как мед из горного ущелья; этот легкий, воздушный стих Жуковского, порхающий как неясный звук Эоловой арфы; этот тяжелый, как бы влачащийся по земле стих Вяземского, проникнутый подчас едкой, щемящей русской грустью — все они, точно разнозвонные колокола или бесчисленные клавиши одного великолепного органа...“.

*) В. Городецкий, *Лирика Пушкина*. 1962, стр. 13.

Стих Пушкина в основе силлабо-тонический *). К концу жизни поэт начинает искать применения нового стиха. Чаще всего на протяжении всего творчества Пушкин пользовался ямбом — четырех и трех стопным. Д. Выгодский был прав считая, что почти невозможно связывать тематику стихотворения с его метром. Другого мнения держались Б. Томашевский. Г. Винокур и С. Шервинский. Последний дал интересную работу на эту тему "Ритм и смысл . . ." 1961 г.

В область воздействия ритма, рифмы и темы входит и смысл и звучание слов в стихе! Ряд звуков обогащает возможности ассоциаций у читателя, расширяет идейно-смысловую функцию содержания стихотворения и содействует его "инструментовке" **). В "Евгении Онегине", IV гл., читаем:

«Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов».

В 1831 г. Пушкин писал: "Как можно вечно рифмовать для глаз, а не для слуха?"

П. Бартнев приводит в "Рассказах о Пушкине" свидетельство П. Нащокина, что поэт заметил: "на всех языках в словах, означающих свет, блеск слышится буква Л". (В церковно-славянском свѣтъ — нет "Л", но свѣтль — есть).

Что касается периодизации лирики Пушкина, то после работ, главным образом Лернера и Измайлова, удобнее всего делить ее в связи с жизнью поэта и переменами

*) Ср. Б. Томашевский, "Строфика Пушкина", работы Лапшина и др.

**) См. интересную работу Ин. Оксенова "О поэтическом слухе Пушкина". — Книга и Революция, 1921 г. №№ 8-9.

местопребывания и возраста. Борис Павлович Городецкий насчитывает пять основных делений:

1) 1813-1817 — лицейский период; 2) 1817-1820 — до ссылки на Юг; 3) 1820-1824 — южная ссылка; 4) 1824-1830 — Михайловское, Бунт декабристов, Петербург, Болдино; 5) 1830-1836 — преимущественно петербургский период.

Как всякому ясно, при распределении стихотворений поэта по отдельным промежуткам времени невозможно это сделать без учета событий и перемен в его жизни и местопребывании. Итак, первое: нет возможности делить лирику Пушкина на периоды при забвении его биографии.

Второе — сама форма и идейное содержание лирики писателя относится к тем или другим событиям не только внутренней, но и внешней жизни (ссылка, переезды, неожиданные встречи, влияние общественной и кружковой жизни, литературы данного времени и т. п.).

Лет семь 1813-1820 можно назвать подготовкой поэта. Годы 1817-1820 в значительной мере несут на себе отпечаток общественно-политический и гражданский. В эти сроки Пушкин чаще всего пользуется кратким метром.

Входя в зрелость творческих усилий, поэт стремится расширить прежде всего тематику поэзии, но и заботится о звуке. В одном из писем он прямо говорит о т. н. декламации новых опытов Жуковского: "Пятистопные стихи без рифм требуют совершенно новой декламации. Слышу отсюда драмоторжественный рев Глухо-рева . . ." (1822).

"Не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется". (1822).

И в позднейших письмах (напр., кн. Вяземскому) Пушкин внимательно разбирает соединение звуков "вла" "вла" и одобряя звучание считает мысль-понятие "сер-

дитый влаги властелин“ по отношению к водопаду совсем неудачным и бессмысленным.

1825 г. был особенно важен, как этап в развитии лирики всего творчества Пушкина в широком смысле этого термина. Поэт, порывая с романтизмом, все сильнее стремится соединить силу своего вдохновения с реализмом языка, картин и ясностью общей идеи стихотворения. Элемент чисто местный, русский и даже народно-фольклорный проникает все сильнее в его произведения. Михайловское, Тригорское, природа России, ее говор и история глубоко интересуют опального молодого Пушкина. Тоническо-силлабический стих более длинных размеров-метров чаще и чаще используется поэтом. Ссылка послужила здесь, в Михайловском, на пользу юной мятущейся душе, потерявшей равновесие. Юг, разврат, уход в некоторые общества антиправославного настроения характеризуют ряд лет южной ссылки. Талант порою разбрасывается попусту. Стихи явно непродуманные — ”кровавой чашей причастимся . . .“, богохульство, предельное легкомыслие, соединенное с горьким раздумьем о ”друзьях“ и ”любви“, бросают густую тень на многие создания гения. В Михайловском Пушкин как бы находит самого себя, свои русские корни, свой народ, свою великую нацию и ее историю. Тогда настает и настоящий подъем в его лирике. Число и качество стихов 1825 г. исключительно.

В тридцатых годах лирика Пушкина делается шире по диапазону и разнообразию метров, но поэт более уходит в свой собственный мир, замыкается круг классически ясной поэзии. Но никакого ”материалистического понимания целостности мира“, находимое в лирике поэта Н. Степановым *), по моему никак не может быть обнаружено.

Думая о лирике Пушкина, мне приходит в голову следующее сравнение: высокие горы — обычно вулканы; их

*) Н. Л. Степанов: Лирика Пушкина, стр. 12.

лава застыла и покрыта вечно блещущими снегами вершин. Вершины лирики поэта представляют собою как бы застывшую лаву горячих чувств и клокотавших страстей, а чистота отделки, совершенство и блеск языка — это вечные снега и глетчеры горных высей. Чтоб взлететь на головокружительные вершины, с их пропастями и стремнинами, у нас нет орлиных крыльев гения. Медленно, с трудом поднимаемся мы, изучая, нащупывая свой путь, скользя по крутой тропинке. Порою мы заблуждаемся. Но манит нас вершина горной цепи. Прекрасна она на прозрачной бескрайней синеве неба Вечности и Надежды, неба земли и человека, но и Неба горного — ангелов и Бога. Всякое великое лирическое стихотворение подымается на всем узколичным, суетновременным, а в то же время оно и индивидуальная радость, личная мольба и заклинание, или прославление, или гнев, печаль, или упоение восторга.

ОБЩИЙ ОЧЕРК.

РАМАТУРГ А. Н. Островский заметил в дни Пушкинских торжеств в 1880 г.: "Отчего с таким нетерпением ждется каждое новое произведение от великого поэта? Оттого, что всякому хочется возвышенно мыслить и чувствовать вместе с ним". А Н. В. Гоголь, с трепетом восторга, так писал о творчестве Пушкина: "Тут все: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли... Здесь нет этого каскада красноречия, здесь одна поэзия: никакого наружного блеска, все просто... Слов немного, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове бездна пространства: каждое слово необъятно, как поэт".

Я и не думаю обнять лирику Пушкина, да и как ее обнять, когда с детства *она* объяла мою душу и живет со мною да и со многими, пока сердце бьется.

Сам поэт еще в 1828 г. сказал: "В зрелой словесности приходит время, когда умы наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к странному просторечию . . . Прелесть нагой простоты так еще для них непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем".

И действительно, большинство из современников не понимало зрелого поэта, даже такие приятели и собраты по перу, как Бестужев-Марлинский. Но многие читатели чувствовали и, вне рассудочного понимания, подсознательно пленялись Пушкинской музой. Мы знаем, что, как литературный жанр, лирика не говорит, не повествует о ходе событий, не строится на диалоге и действии драмы, а говорит о душе, о сердце, о Я и его отношении к миру, Богу, людям, чувствам и идеям. Лирика есть нечто самое присное, самое интимно-личное и чувственно-сущее во всем творчестве поэта. В лирике — теплота сердца, неповторимое обаяние голоса души, отображение "Я" в том, что пребывает. В ней и скорбь, и грусть, и радость: "Радость человека в ответе уст его . . ." говорит Библия. В лирике — освобождение духа, господство душевности и ума над материей, преодоление преграды между "Я" и "не Я", разговор сердца с тем, что его переполнило "звуками и смятением", эхо поэзии в поэте.

О чем говорит лирика — есть ее, лирики, тематика, как говорит — ее форма. В форму лирического стихотворения входит его архитектоника: кольцевые повторы, рефрен и т. д., а равно метр-размер, мелодика с ее оттенками звуков и ударений, а также ритмика, связанная с метром и мелодикой. В области тематики следует обращать внимание на образы, на мысли стихотворения и его основную идею, часто связанную с названием-темой, или с первыми строками стихов.

Пушкинская лирика отличается необычайной зрелостью с отроческих лет. И среди шаловливых песенок юной, веселой певуньи-Музы рассыпаны самоцветы зрелой думы *) , изречения отточенной мысли. Я приведу ряд таких крылатых речений, сделавшихся еще при жизни поэта широко известными. Они, если хотите, готовые пословицы Музы Пушкина:

Около 15 лет **):

«Молчанье — враг веселья и скука на часах».

«Быть славным хорошо, спокойным лучше вдвое».

«Без вина здесь нет веселья, нет и счастья без любви».

«Красавица шестидесяти лет, у Граций в отпуску и у Любви — в отставке».

«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

«Страдать есть смертного удел».

Около 16 лет:

«Ты знать не горевал! Увы, одной слезы довольно, чтоб отравить бокал».

«Мечты, мечты, где ваша сладость?».

16 лет. Эпиграмма на проф. Черняна:

«Ты математик — минус разум, ты злой насмешник плюс дурак».

Как видим, любил и Пушкин

«потешить языка бранчивую свербежь».

18 лет. Об имени Тригорское:

«От вас беру воспоминанье, а сердце оставляю вам»

«Кто выражается правдивым языком, и русской глупости не хочет бить челом».

20 лет:

«И неподкупный голос мой был эхо русского народа».

21 год:

«Ну, так! Я празден, я без дела, а ты — бездельник деловой».
(Каченовскому).

22 года:

«Всегда так будет и бывало, таков издревле белый свет».

«Ученых много, умных мало, знакомых тьма, а друга нет».

*) Ряд стихов юности был позднее переработан молодым поэтом.

**) Года даны приблизительно, но с учетом основных трудов пушкинистов.

26 лет:

«Все мгновенно, все пройдет, что пройдет то будет мило».

И так можно продолжать через всю лирику поэта. Мне кажется, стоит напомнить постоянство Пушкина в любви к смиренной, русски - милой природе, к патриархально - скромному обиталищу, к погосту и родным крестам.

Около 16 лет:

«Уж вижу в сумрачной дали мой тесный домик, рощи темны,
калитку, садик, ближний пруд — и снова я, философ
скромный».

20-ти лет, обращаясь к домовому — духу дома:

«люби мой малый сад и берег сонных вод, и сей укромный огород
с калиткой ветхою, с обрушенным забором! Люби зеленый
скат холмов, луга измятые моей бродящей ленью».

А вот уже зрелый муж 29 лет:

«Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор . . .
Мой идеал теперь хозяйка
Да щей горшок, да сам большой!»

Отчего это пристрастие, Пушкин объяснил в незаконченном стихотворении:

«Два чувства равно близки нам,
В них обретает сердце пищу,
Любовь к родному пепелищу
Любовь к отеческим гробам.
На них основаны от века,
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог спасения его».

Недаром 37 лет, уже с сединой в волосах и горечью в ретивом и ревнивом сердце, он противопоставляет городское кладбище деревенскому:

«Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое...
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом
Проходит селянин с молитвой и со вздохом...
Стоит широкий дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...».

Но кроме образов и присно-близких нам мыслей, взволнованности глубоких вод, мятежных вод сердца, Пушкинской лирике свойственна особая задушевность звука. Вслушайтесь и всмотритесь в начало стихов юноши 21 года:

«Редает облаков летучая гряда *).
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины...»

Какая прозрачно-напевная грусть осеребренных светом и осенью тронутых полей, какая далекая, уходящая, тающая цепь облаков...

А вот 24-летний Пушкин прощается со "свободной стихией" моря и звуками и образами его рисует:

«Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.
В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн».

Но не навязываем ли мы, восхищаясь звукописью, повторением гулко-упругих "ул, ло, ал, оln, олго", того, о чем поэт и не думал? О, нет! в ту же, приблизительно, эпоху он пишет (1825 г.) П. А. Вяземскому из Михайлов-

*) Или "Таврическая звезда". Посвящено Раевской.

ского разбор стихов друга — ”Водопад“. ”Благодарю очень за водопад. Давай мутить его сейчас же . . . С гневом Сердитый влаги властелин — вла, вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии: Властительница небесного огня? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Переменить как-нибудь . . . Но ты питомец тайной бури. Не питомец, скорее родитель. И то не хорошо. Не соперник ли? Тайной, о гремящем водопаде говоря, не годится. Зародыш непогоды о водопаде темно. Вечно бьющий огонь — тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?“ и т. д.

В пору полной, чуть грустной зрелости, сдержанной мощи великого таланта он нам в 30 лет дает шедевры за шедеврами. Вот, хотя бы, этот отрывок, давно положенный на музыку:

«На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою, —
Тобой, одной тобой . . . Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может» *).

Сколь просты рифмы, есть и чисто глагольные, а вместе с тем атмосфера Кавказа, ровный, чуть изменчиво пульсирующий шум и шорох горной речки, спины темных, обвитых густым сумраком холмов; одиночество и дума. Все грустно: светлое небо над головой и светлая и грустно сладкая печаль далекой любви в близком сердце. И вот, протекло свыше ста тридцати лет с того дня, как во мраке ночи горело сердце поэта, а его любовь и грусть по старому трогают наше сердце и наше сердце начинает гореть и любить ”оттого, что не любить оно не может“ то, что

*) Даю здесь окончательный текст. Стихи посвящены М. Раевской.

прекрасно и человечно. Всякому "хочется возвышенно мыслить и чувствовать вместе" с Пушкиным.

Мне хочется указать еще раз на ту переключку интимных и дорогих поэту образов, как я сделал выше о домике и счастье в русской природе. В 1829 г. поэт в стихотворении "Кавказ" видит:

«Где Терек играет в свирепом веселье;
Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной,
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему ни отрады:
Теснят его грозно немые громады»

Не сходно ли описаны орел и узник в сырой темнице Кавказа:

«Сижу за решеткой в темнице сырой,

где не зверь, но

«орел молодой
Кровавую пищу влечет под окном,
Влечет и бросает, и смотрит в окно...»

И зверь и орел молоды, тот же повтор — "влечет... и влечет и бросает", как "играет... играет и воет". Та же мечта вырваться, улететь, убежать на свободу и ее тщета. Это не самоповторение, а пристрастие к образу, к новому его использованию, к тому, что создает возможность соприкоснуться с эйдологией поэта, а Пушкин считал, что "в живейшем восприятии идей и образов" и заключается вдохновение писателя.

Какие же темы, образы и идеи особенно важны в лирике Пушкина? Первое движущее начало его лирики, пожалуй, и не любовная страсть, а скорее воспоминание, "память сердца", по меткому слову Батюшкова. Оттого на-

правно он (З ключа) надеется, что последний ключ, "холодный ключ забвенья — он слаще всех жар сердца утлит". Но разве есть забвенья для "пламенного сердца" поэта-лирика? Он говорит: "Воспоминанием упоенный", или — "Воспоминаниями смущенный", "от юности своя" он "в Царском Селе воспоминаний". И с другом, "с братом Пуцциным" — "Воспоминание" — в стихотворении этого же заглавия. Самое раскаяние для поэта лишь путь покаянных воспоминаний: "Когда для смертного умолкнет шумный день . . . В бездействии ночном, говорит он, живе́й горят змеи сердечной угрызенья . . . Теснятся тяжких дум избыток. Воспоминание безмолвно предо мной свой длинный развивает свиток . . ." *). И герои Пушкина часто уносятся на быстрых крыльях воспоминания. "Скупой ли рыцарь", или князь в "Русалке". "И что вперед со мною не случится, — говорит герой, — где б ни был я, всегда я буду помнить тебя". Прожив все богатство чувственной любви, женившись на другой, он все во власти воспоминания (Сравн. "Хочу сказать, что все люблю я, что все я твой . . ." (*Заклинание*)). Прошло для героя "Русалки" восемь лет, а оно — живое воспоминание тут и не исчезает для князя и не отпускает оно его: "Невольню к этим грустным брегам меня влечет неведомая сила". Слова эти из IV сцены повторяются и в шестой сцене. В одновременно написанном *"Пире во время чумы"* Вальсингам побежден

* По мнению акад. Л. Щербы "Спорным является не хочет или не может автор смыть печальные строки". См. "Избранные работы по русскому языку", М. 1957, стр. 33 сл. — Мне думается, что не ближе к истине был и С. Бонди. Я решительно считаю, что Пушкин бы и хотел, да не в силах смыть грехи слезами. Весь контекст стихов подан именно в этом смысле:

"И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю".

Отвратительное для поэта прошлое и его ошибки и грехи, увы, сами слезы раскаяния не в силах смыть и смыть. Так, 19-го мая в полупрозрачном сумраке белой ночи Санкт Петербурга, тосковал Пушкин.

воспоминанием. Велика всепобеждающая власть воспоминаний — говорит наш лирик всем своим творчеством.

Кроме воспоминания — этой попытки воскрешения, многие глубоко важные темы и образы занимают лирику Пушкина. Вот краткий их перечень:

- 1) Освобождение души, первенство духа над материей, света над тьмой — ”Бога глас“.
- 2) Облегчающая переполнение сердца поэзия, от которой трепещет душа, познавшая красоту. Сама Красота, ее радость и гармония, примирение с Жизнью, ”светлая печаль“ сереброкованных звонких стихов.
- 3) Веселость и теплота искренней Дружбы, дружбы людей и . . . даже духовно близких предметов. Умирая, поэт обратил глаза к полке с любимыми книгами: ”Прощайте, друзья мои!“. Это о книгах.
- 4) Тема Свободы, тема горяче-горькая и возвышенно маниящая. Трагедия Свободы в жизни народов, где Истории приходится их ”резать или стричь“ и та же тема, идея Свободы в сердце поэта: ”Свободы сеятель пустынный, я вышел рано, до звезды“, — скажет Пушкин о себе.
- 5) Любовь к женщине во всех ее оттенках надежд, мук, усад, горений и горьких сожалений.
- 6) Любовь к Родине, к России. Вспомним: ”Полководец“, ”Клеветникам России“, ”Перед гробницею святой“. Это Любовь ревниво-живая, чуткая и глубокая. Пушкин говорит со скорбью о грехах и падениях, с радостью о победах и взлетах; с тем истинно любовным умением все постигнуть и, все поняв, простить, с необычайным искусством подслушать русский звук сердца в России. Вспомните любимое Достоевским:

” Как весенней порой из - под утренней белой зорюшки . . . “ *).

- 7) Тема любви к природе и умиротворенное подчинение ее закону:

«И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Брасою вечною сиять».

«Вновь я посетил тот уголок земли,
Где я провел два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор и много
Переменилось в жизни для меня
И сам, покорный общему закону,
Переменился я; но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо —
И кажется, — вчера еще бродил
Я в этих рощах». <<)

Поэт хотел жить, ”чтоб мыслить и страдать“, но к концу его земного существования стала все яснее в стихах пробиваться, так мне кажется, некая умиротворенная, осененная грустью любовь. Это любовь к творческому уединению, к свободе духа, к некоей ”заоблачной келье“ в ”соседстве с Богом“, или там ”на берегах пустынных волн“ да в ”широкошумных дубровах“.

От легкомыслия и острословия, от буйной праздности и дерзостной кипучей юности и ее беспечных утех, Пушкинская лира вела поэта неуклонно в ”обитель дальнюю трудов и чистых нег“. Этими стихами 1834 г. (из последних) и замкнут круг Пушкинской лирики **).

*) Поэт думал их продолжать. В прозе он говорит о значении своего дома, своей семьи: ”О, скоро ли перенесу мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические — семья, любовь и — религия, смерть“. Вот программа жизни поэта.

*) См. Ф. Достоевский: Дневник писателя, 1880 г. Достоевский называет стихотворение ”Сказание о медведе“. На самом деле это ”Сказка о медведихе“ 1830 г.

ОТНОШЕНИЕ ЛИРИКИ ПУШКИНА К ЕГО
ПРЕДШЕСТВЕННИКАМ И СОВРЕМЕННОКАМ.

А всем развитию лирики, да и всех родов творчества поэта, можно проследить два влияния — родное и иноземное. Очень часто в одном и том же произведении они тесно переплетены. (Ср. *Руслан и Людмила*, где влияния Богдановича, Жуковско-го, Вольтера и др. слились в образах русской и восточной сказки). Пушкин, при всем его стремлении в последний период жизни к слиянию стиха с прозой просторечия, тем не менее строго различал прозу от стиха с его особым закономерным строением и развитием. Говоря о стихах Радищева, он отмечал, что "Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык". Здесь интересно, что Пушкин совершенно

опустил стихи Сумарокова. Сумарокова он не любил и не ценил: "Несчастнейших из подражателей . . . Слабое дитя чужих уроков . . ." Зато Державин, Жуковский и Батюшков на ряду с французами являются настоящими воспитателями, а долгое время и "питателями" лирики поэта *). Одни "лирические отступления" и их прозаизмы связаны с "Фелицей" и рядом других произведений Гавриила Романовича, напр., "Мой истукан".

Так, и "Тень Фонвизина" 1815 г. у Пушкина полушутливо использует стихи Державина:

«На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узред,
Что звучной лирой в сонме Россов
Татарин бритый возгремел».

(Намек на происхождение из Казанских татар). У Державина читаем:

«Пред сонмами блаженных Россов
В беседе их вождей, царей,
Наш звучный Пиндар, Ломоносов,
Сидит, — и лирою своей
Бессмертный дух их утешает».

Сравн. Державинское "Поникнув лавровой главою" и 1835 г. у Пушкина ". . . Никнут в тишине главою лавровой". Не даром Пушкин говорил о глине, $\frac{1}{6}$ золоте ($\frac{1}{4}$) Державинской поэзии, и отмечал благословение Державиным своей еще юной Музы: "Старик Державин нас заметил и в гроб сходя благословил". Представление о поэте и сущности поэзии, о связи восторга с вдохновением и случаем, и "занимательными представлениями" **) — об-

*) Таково, напр., влияние "Мценя" В. Жуковского на "Черную шаль", как указал Б. Томашевский.

**) Ср. Г. Р. Державин. Сочин. СПб., 1872, т. УП, 523.

разами восходит прежде всего к творчеству автора "Фелицы" и "Жизни Званской". Во многом непринужденная беседа лирического пассажа Пушкина, разговор "запросто" с читателем взяты от Державина. Его элегии звучали порою совсем непринужденно:

«О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей,
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?»

В стихотворении "Друзьям" Пушкин использует стих Державина из стихотворения "Лебедь". "Языком сердца говорю", у Державина — "Языком сердца говорил" *). Пушкин требовал от поэзии, от ее восприятия прежде всего живого ощущения *идей и образов*. Ими, а не совершенством стиха и отличается поэзия Державина. Так и его выражение из знаменитого переложения 81-го псалма царя Давида **) "земные боги" (о царях) повторено в сходных по идее стихах юного Пушкина ("Ответ на вызов . . ." 1818/19).

Иное отношение музы Пушкина к гению В. Жуковского. "Пленительная сладость" стихов учителя юного поэта, его вера в мечту о *безвестном*, нежная, но отважная муза далеких горизонтов влекли к себе. То был "поэзим чудесный гений, певец таинственных видений, что кажет цель в туманах отдаленья". Пушкин уже победив учителя писал к П. Вяземскому: ". . . Я не следствие, а точно ученик его и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной . . .".

Вероятно здесь намек на реализм мироощущения и форм поэзии автора "Цыган".

* * *

*) Об этом см. Б. Городецкий: Лирика, стр. 61, а В. Гишиус писал еще в 1930 г. о том же.

**) Так как во время французской революции якобинцы вольно перевели 81 псалом и распространяли его в виде прокламации среди черни, то Екатерина разгневалась за стихи 81 псалма на Державина, который и не знал о проделке якобинцев.

Около 1813-1814 г.г. в поэзию Пушкина лицеиста вливается живой, блестящий шумный поток стихов Батюшкова, любовно-чувственная лирика "сына неги и веселья", "певца радости" земной, а позднее грусти и неизбывной печали. Такова, напр., "Последняя весна": под камнем памятника спит забытый уже юноша, словно бы тень Ленского у Пушкина сблизилась, слилась со стихами о некогда кипучем сердце, что ныне мертво, одиноко, а поет у гробницы лишь пастух.

«Лишь пастырь в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы».

Друг Дениса Давыдова не воспевал одних граций и плотские радости земной любви и вакхических усад в духе и силе Парни. Вспомним поэму "Умиравший Тасс", или отзвуки грозного года "военных непогод". Он же удачно описывал дикий финский север и "отчизны вьюги, непогоду . . ." Самое позднейшее разочарование Батюшкова в жизни, ноты трагизма влекли к себе юношу Пушкина и позже уже зрелого поэта. В стихах юного Пушкина немало отзвуков и прямых заимствований из ризницы стихов Батюшкова. Вот несколько примеров:
1815 г. "Городок":

«Питомцы юных граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем . . . »

"Мои Пенаты" Батюшкова писаны в сходной манере:

«В толпе и Муз и Граций
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой . . . »

Или у Пушкина из Батюшкова и образ луны-лебедя: "И тихая луна, как лебедь величавый, плывет в серебристых облаках", а у Батюшкова — "Напх лебедь величавый, плывешь по небесам" и многое другое. Увлекаясь легкой звучностью стиха Батюшкова, в 1825 году. Пушкин сравнивал его роль в развитии русского поэтического языка со значением Петрарки для итальянского, что даже отдает преувеличением.

Но для юноши Пушкина Батюшков — призыв к слиянию поэзии и любви. В 1814 г. в послании к нему Пушкин в духе ранних стихов своего образца пишет:

«Настрой же лиру. По струнам
Летай игривыми перстами,
Как вешний Зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шопотом любви
Лилету в свой шалаш зови».

Кое-где Пушкин следовал и непринужденности стиха "певца-гусара" — Дениса Давыдова; порою он откликался и на хмельно-удалую лирику младшего современника — Языкова.

«Все тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну пропировать дано,
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино».

Эти строки Языкова звучат в лад с рядом мотивов лирической лирики Пушкина.

* * *

Пушкин в раннем отрочестве начал писать стихи по-французски. Иноземная, сперва французская, а позднее английская поэзия в оригиналах и переводах наряду с

античной сопутствовала гению Пушкина во все время его развития. Есть, однако и существенная разница в восприятии иностранных влияний и влияний родной литературы. Дело в том, что чужестранный язык не дает, как правило, возможности прямого использования стиха, фразеологических единств и специфических выражений без соответственного перевода. В переводе же почти всегда теряется часть смысла, "соли экспрессии" и значимость звукоряда, сама мелодика стиха построена в другом ключе, что особенно важно для "поэтического слуха" автора. Вольтер, Парни, Марон, Шолье, Анакреон, Овидий, Ювенал, Виргилий, Гораций, Петроний *) и др. читались запоем.

«... О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказания...
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник устремив на груди камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

Так в духе стихов *Лицинию* (1815), якобы перевод с латинского **), слышен голос юного вольнодумца, друга декабристов. Гражданская лирика в одежде классиков. В стихах поэт зовет друга уединиться под гостеприимный кров деревенского дома, где попивая вино из "дедовского фиала" и воспламенившись Ювеналом можно в праведной сатире изобразить порок ***) "больше не страшась народного волненья". Тематика ряда лицейских стихотворений, их образцы становятся понятны лишь при условии известного знакомства с образцами, которым подражал юноша-Пушкин. Очень интересно в этом смысле стихотворение-пе-

*) Читая Petronius'a и др. античных писателей главным образом во французских переводах, Пушкин называет его Петроном. По-французски — Pétrone. Ср. Городецкий стр. 89-90, там же и литература вопроса.

**) Ср. зрелый Пушкин просит музу пламенной сатиры вручить ему "Ювеналов бич".

***) Еще до революции проф. Маленн указал на третью сатиру Ювенала, как образец для стихов Пушкина, во французском переводе и перевод И. Дмитриева.

реложение из французского поэта К. Маро (XVI век)
”*De Soi-même*“ под заглавием *Старик*:

«Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста молодого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!»

И позднее м. б. и в зрелые годы такие стихи, как ”Золото и булат“ — просто перевод французских стихов из ”*Anthologie française*“ 1816 г. — Но прежде всего следует несколько уточнить самое понятие ”Лицейская лирика“. Н. Пиксанов, Д. Благой, Б. Томашевский и др. старались выяснить какие стихотворения можно отнести к этому понятию. Ряд ранних стихотворений поэт неоднократно поправлял, а черновик сохранился лишь от одного стихотворения *). Множество стихов пропало, хотя из этого периода можно выделить около ста тридцати стихотворений и около ста хороших копий. Из лицейского периода вышло в печать в этот срок двадцать девять стихотворений. В 1820 г. Пушкин собрал в рукописный сборник тридцать одно свое стихотворение (Сборник Всеволожского **). Однако он не был своевременно издан и с дополнениями, изъятиями ***) и исправлениями самого поэта вышел из печати в начале 1826 г. — ”Стихотворения Александра Пушкина“. Лицейская лирика представляет несомненно большое жанровое разнообразие и богатство сюжетов; это часто довольно длинные стихотворения краткого стиха: Сравни. ”Пишу короткие стихи“ (Моему Аристарху 1815).

*) К. Делин.

**) Пушкин проиграл ему эту рукопись и лишь в 1825 г. выкупил.

***) Из лицейских стихов вошло 12 стихотворений.

Начинает поэт писать в духе скрытно-фривольной эротики французов XVIII века и эта струя продолжается в стихах лицеиста — Пушкина года три-четыре, цель ее "дать все понять, ничего не называя" своим именем *). Таковы стихи обращенные к крепостной актрисе графа В. В. Толстого с описаниями "легкого одеянья" "белой груди колебанье", "И любовью утомясь, я слабею каждый час". Таково подражание Парни — "Ледя" или "Красавица **), которая нюхала табак":

«... Ах! если б, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог!..
Тогда б, в сердечном восхищеньи,
Рассыпался на грудь, под шалевый платок...
И даже может быть....»

и т. д.

За темой фривольной любви довольно скоро идет тема пира, дружбы и романтика туманного "Оссиана, сына Финголова, барда третьего века". Его поэмы были переведены с французского Е. Костровым и изданы им еще 1792 г. с посвящением А. В. Суворову. Оссианом ***) увлекались счень многие знаменитости от Гердера и Гете до Наполеона Бонапарта. Предтеча туманно-загадочного, меланхолического исполненного и на преданиях основанного романтизма. Оссиан-Макферсон оказал немалое влияние на юного Пушкина и его лирику лицейской поры. Таковы *Осгар*

*) Ср. Пушкин. Полное Собр. соч. т. I, под ред. С. А. Венгерова 1907.

**) Посвящено Кантакузиной, сестре Горчаковой по указанию-приписке А. С. Соболевского.

***) Оссиан — легендарная личность, созданная James'ом Macpherson'ом (1736-1796). Талантливейший шотландец составил, дополнил, переделал в романтическую поэму ряд древних устных песен гаельского (кельтского) наречия. Это было доказано трудами Самюэля Джонсона и еще точнее Малькольмом Лэйн (Laing). Около 1807 г. были изданы оригинальные тексты.

(подражание Парни), *Эвта*, и, особенно, *Кольна* (1814 год). Во второй главе своей книги Б. Городецкий дает параллели из прозаического перевода Е. Кострова к стихам Пушкина. Несомненно и в отрочестве превосходство перепева Пушкина в поэтическом отношении.

В Осгаре, в конце есть дыхание и музыки Жуковского:

«... И тихо все вокруг могильного холма!
Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая тьма,
В багровом облаке, одеянна туманом,
Над камнем гробовым уныла тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
И клен, зашевелив, таинственно шумит».

Ср. у Жуковского:

«И дуб шевелится и струны звучат...»

И совсем по-Пушкински, по-взрослому звучит "Исчезло сладкое навеки очарованье!"

Шестнадцать лет написано лирико-эпическое стихотворение "*Сраженный рыцарь*"; в нем не только отзвуки романтического барда Шотландии и отклики В. Жуковского, но и прекрасные строки настоящего таланта. Описание же верного коня, ходящего вокруг останков хозяина, очень напоминает схожую сцену из "Руслана и Людмилы". Сравните: "В очах горделивых померкнул огонь. Он бранную голову клонит" и — "Вокруг Руслана ходит конь, Поникнув гордой головою. В его глазах исчез огонь" *).

1812 год вызвал чувство горячего восторженного патриотизма, но несколько "книжно" отразился в лирике нашего поэта. Только слова о воинах и о Государе Алек-

*) На сходство этого места указывал и Б. Городецкий, но почему-то вспомнил и верного коня из "Песни о вещем Олеге". Тут совершенно иная тематика и образец — русская летопись Нестора в пересказе Карамзина.

сандре I исполнены сердечного умиления. Лучше всего, частью в Державинской манере написанные по желанию его учителя словесности Галича, "Воспоминания в Царском Селе". Вместе с тем это и прощание с прошлым, и дань минувшему величию, и торжественность исключительно обильных церковно-славянизмов и архаизмов. На сто семьдесят шесть строк встречаем семьдесят четыре церковнославянизма типа: *нощь, глас се, вотще, надменны вы, взреми, мать градов* и т. п. В этих стихах сливается патриотическое, восторженное волнение и наслаждение красотой созданных образов, мощью некоторых строк. Часть выражений, сравнений и образов навеяна или прямо взята от Державина, Батюшкова и Жуковского, но это вполне все перестроено и обработано гениальным отроком. Эпитет *венчаный* о Наполеоне, как отмечает Б. Городецкий, будет сопутствовать Императору и в ряде позднейших стихов 1821 г. — "развенчанная тень", 1830 "вольностью венчаный", "Папою венчаный" и нек. другие эпитеты. Замечу, что исследование самоповторений, изучение тех сравнений, метафор, эпитетов, образов, к которым вольно и неволью возвращается поэт, весьма поучительно и важно. Это, порою, дает нам возможность подслушать ряд "лейтмотивов", выделить в лирике и эпике особо дорогое для их творца.

Строчки же о Москве, несомненно в связи со стихами Батюшкова.

К. Батюшков:

«... И там, — где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады; —
Лишь угли, прах и камней горы».

А. Пушкин:

«... И там, где роскошь обитала,
В сенистых рощах и садах.

Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах».

Очень интересно повторенное и в "Евгении Онегине" описание своего развития, как расцветания подобно в "Воспоминаниях"

«А я... вдали громов, сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!»

Ср.

«В те дни, когда в садах лица
Я безмятежно расцветал...»

"Воспоминания в Царском Селе" прославили Пушкина. В. Жуковский уже в 1815 г. в письме к князю П. Вяземскому называет поэта "молодым чудотворцем Пушкиным". Впечатление же на всех присутствующих, а в том числе и на Державина, можно назвать исключительным: "Старик Державин" признал, что Пушкин "уже в лице перещеголял всех писателей" *). П. Вяземский восторгался "силою и точностью" выражений юного поэта.

Пятнадцати лет Пушкин уже мог написать психологически почти зрелый анализ чувств юной матери несущей незаконорожденного сына и собирающейся его подвинуть. Этот "Романс" сделался сразу популярным по всей Руси:

«Под вечер, осенью ненастной
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках...»

Этот романс вышел в печати двенадцать раз при жизни Пушкина в разных изданиях, чаще всего с нотами.

*) Воспоминания А. С. Аксакова.

В ряде дружеских посланий (Юдину, Горчакову) Пушкин подчеркивает желание быть в домашнем скромном уюте. Тут и стих:

«Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей . . . »

Это так, к слову, в духе буколики и наигранного презрения. Пушкин в юности и молодости любил роскошь, тянулся подчас за золотой молодежью, пропивал и проигрывал не по средствам. Идиллия сельского существования на "лоне сладостной природы" навеяна и Н. Карамзиным. Очень удачно сопоставил Б. Городецкий *) строки Карамзина с одним местом из юношеского послания Пушкина:

«Вот здесь под дубом наклоненным,
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах . . . »

А Карамзин в прозе пишет: "Сажусь под тению вяза, против самых окон моих; читаю Лафонтена, Грессета. — Книга из рук моих выпадает, и тонкая дремота на несколько минут покрывает глаза. мои флером . . . услужливый садовник приносит мне корзинку с благовонною малиною... Как приятны, освежительны сии сочные плоды щедрой Натуры!" Пушкин в 1815 г. и позднее воспевал и беспечность, и веселие, и лень "музы праздности счастливой"; он ленится под одеялом, считает себя "философом ленивым". Тут и литературная мода, и сибаритство, и желание на досуге созреть и устояться, и унаследованная от предков барская лениво-сладкая безалаберность. Конечно же после "бакхических посланий" и бакхических возлияний трудненько бы было вставать рано, планомерно и ревностно трудиться.

Поэт через тринадцать лет горько сожалеет об утраченных годах "в праздности, в неистовых пирах". Юный

*) *Op. cit.* стр. 124.

барченок "случайной семейки" выростет в умудренного опытом наблюдений и глубоких переживаний поэта. Но в 16 лет — это резвое, гениальное дитя пирушек, легкомысля, живого восприятия литературы и чувственных улад любви. А Пушкин кроме всего этого и *умел* лениться "счастливой ленью", наслаждением бытия и покоем. Этот великий дар он сохранит на ряд долгих лет. Сладость полежаать на душистом лугу у берегов озера; упоительная бездумно-легкая дремота, прекрасно чувство свободы и покоя. Есть в Пушкинской лени некое ощущение независимости уединения, чувство самосвойной вольности жизни, и радостного вкушания дремотной праздности. В досуге лени находил поэт некий привкус неги бытийствования. В бешеной спешке, в тревоге дел, в сутолке улиц, трудно сосредоточиться и расти. Духовно поэтическим противоядием шуму пирушек, "где Веселье председатель", мимолетных любовных интрижек, служила и поэтическая лень *).

Лет семнадцати поэт элегически влюбился в Е. Бакунину, сестру товарища. Он проводил время "томясь обманом пылких снов".

«Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —
Я все тебя, прелестный друг, ищу **).
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю, —
Одну тебя в невинном вижу сне».

Элегическая грусть была в моде. В 1824 г. В. К. Кюхельбекер писал:

"У нас все мечта, и призрак, все мнится и кажется, и чудится, все только будто бы, как бы, *ничто*, что-то . . .

*) В письме к Кн. В. Одоевскому 30. X. 1830 поэт говорит о себе: "...Лень барская, помещичья лень, так одолели меня, что не приведи Боже".

***) Е. Бакунина уехала в С. П. Б., поэт остался в Царском Селе.

***) "Мнемозина", III, 1824.

иной, судя по нашим Чайльд-Гарольдам, едва вышедшим из пелен, мог бы подумать, что у нас на Руси поэты уже рождаются стариками“. Этот этюд Кюхельбекера — ”О направлении нашей поэзии . . . — очень интересен и характерен.

Через год-полтора (1817-1820) поэт увлечется вольнолюбивой гражданско-революционной лирикой. Но в 1816 году в связи с длящейся грустно-прозрачной настроенностью Пушкин дает и замечательные картины русской природы, русского дома с его окружением. В этих зарисовках видна рука настоящего мастера. Детали подчеркнуты и точно исполнены. Читателя охватывает настроение гармонического воспроизведения реальной действительности, осложненной и украшенной ее своеобразным отражением в душе поэта.

«Случалось ли ненастной вам порой
Дня зимнего, при позднем, тихом свете,
Сидеть одним, без свечки в кабинете.
Все тихо вокруг, березы больше нет;
Час-от-часу темнеет окон свет.
На потолке какой-то призрак бродит;
Бледнеет уголь, и синеватый дым,
Как легкий пар, в трубу виясь уходит . . . »

Или:

«Друзья мои, как утро здесь прекрасно!
В тиши полей, сквозь тайну сень дубрав,
Как юный день сияет гордо, ясно!
Светлеет все; друг друга перегнав,
Журчат ручьи, блестят берега безмолвны;
Еще роса над свежей муравой;
Златых озер недвижно дремлют волны . . . »

Осень, любезная сердцу Пушкина, персонифицируется:

«Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены . . . »

Но указания Б. Городецкого, что поэт чуть не с 1816 г. "освобождается и от пиетета классической мифологии", мне кажется преувеличенно смелыми. Как и церковнославянизмы они и поэтические архаизмы вообще, употреблялись в той или иной мере, прежде всего завися от темы и жанра. Так в существенной переделке "К сну", при всем сокращении стихотворения в него введена мифология.

В первоначальной редакции читались строки о сне:

«Знакомец милый и старинный,
О сон, хранитель добрый мой!
Где ты? Под кровлею пустынной
Мне ложе стелет уж покой.
В безмолвной тишине ночной
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови . . . »

Значительно позднее (1824 г.) в переработке стихотворение названо "К Морфею".

«Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду
Мои мечты благослови»

и т. д.

Вспомним и знаменитое стихотворение 1827 г. "Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон" и другие стихи в том же духе.

По мнению Б. Городецкого *) В. Ходасевич и другие не поняли проблемы "Пушкинских автореминисценций", они — в основном — "использование ранних заготовок в последующем творчестве". Речь о ряде сходных строф или эпитетов, слов и образов в лицейской (при жизни почти не опубликованной) лирике и позднейших произведениях. К этому вопросу я еще вернусь в связи с рассмотрением об-

*) Лирика, стр. 161.

щих мест ряда лирико-эпических стихов и поэм Пушкина. Приведенное же свидетельство К. А. Полевого служит скорее опровержением мысли Б. Городецкого: "Тут я видел, как богат был Пушкин средствами к составлению стихов: он за несколько строк уже готовил мысль или созвучие и находил прямое выражение, незаменимое другим...".

Перед самым выпуском из Лицея в прощальных стихах Пушкина занимают три основных мысли, три чувства во время готовящейся разлуки. 1) Каков будет мой путь, путь необеспеченного поэта:

«Ужель лишь мне не видать ясных дней?
Нет и в слезах сокрыто наслажденье *).
И в жизни сей мне будет утешенье:
Мой скромный дар и счастье друзей...»

Чувствуя, что Аполлон навеки призывает его "к священной жертве" Пушкин пишет:

«Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений».

2) Значение уз тесной дружбы и товарищества среди выпускников Лицея. Лишенный настоящего тепла настоящей семьи (отец и мать не были по духу родными, любящими) поэт всю привязанность, всю скрытую нежность своего большого сердца отдал прежде всего друзьям. Сила воспоминаний, дружба (особенно с Чаадаевым, Пущиным, Дельвигом, Кюхельбекером) связь с Лицеем и лицеистами пройдет красной нитью через ряд стихов поэта, — "Отечество нам — Царское Село".

3) Идея о начале политическо - общественной связи

*) Сравни зрелое: "Судит мне труд и горе... Над вымыслом слезами обольюсь..." и т. д.

единомышленников, либералов, революционеров. М. Цявловский привел интереснейшую выписку из рапорта В. Каразина 1820 г. министру внутренних дел графу В. Кочубею о связях лицейстов и их развратном вольнодумстве: Речь о "Братствах". В послании к Кюхельбекеру Пушкин пишет:

«... Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я...»

В рапорте-доносе читаем:

"Нравственность этого "святого братства" и союза вы изволите увидеть из других номеров при сем приложенных... из "Благонамеренного"... в пьесе Баратынского "Прощание", из "Невского Зрителя", № 3... Вообразите, что все это пишут и печатают не развратники, запечатленные уже общим мнением, но молодые люди, едва вышедшие из царских училищ, и подумайте о следствиях такого воспитания!" В. Каразин говорит здесь преимущественно о нравственности, о морали. Но понятие братства — "И братья меч вам отдадут" — у Пушкина связано и с идеями вольнолюбивой юности, с духом позднейших декрабристов. Много, много позднее поэт сможет уже критически оценить всю несвоевременную дерзость, опасную наивность кровавой попытки своих политических и общественных друзей. Лицей покидался с грустью, с вольнолюбивыми мечтами, с устремлением духовного взора вперед, но рука об руку с "музой резвою" в шуме дворянских пиров "и буйных споров".

ОЛЬНОЛЮБИВЫЕ МЕЧТЫ.

Три года с лишним юная муза влекла Александра Сергеевича по путям и перепутьям Петербургской славы. И. Дмитриев, В. Жуковский, Н. Карамзин, А. Тургенев из старших, из современников П. Вяземский, В. Кюхельбекер (Кюхля) славят и восхищаются поэтом: Он — ”прекрасный цветок поэзии“, он — ”кому высокую душу Природа, щедрая мать дала“ и т. п. Но было отмечено не только самим Пушкиным, а и чуткими приятелями и друзьями его гения — стремление вменить себе в закон ”страстей единый произвол“. Батюшков писал А. Тургеневу о красотах ”Руслана и Людмилы“ и о надеждах на Пушкина ”если он возлюбит славу паче рассеяния *)“.

*) Приведено это письмо 1819 г. из Неаполя в труде М. Цавловского. ”Летопись“. Т. I, стр. 178.

Не случайны эти замечания. Упоенный славой и фри-вольными мыслями, волнением в крови и сладострастием тела, Пушкин вступил на скользкий путь распутства вакханки-музы и пренебрежения верой, а вскоре отдал дань богохульству и атеизму в *"Гавриляде"* 1821 г., а до нее в 1817 г. в послании к А. Тургеневу сказано в примечании, что он — т. е. А. И. Тургенев любовник "креста, сиречь не Анненского и не Владимирского, а честного и животворящего". Эти дерзкие и безумные строки служат объяснением следующего места в стихотворном послании:

« . . . Один лишь ты — с глубокой ленью
Б трудам охоту сочетал;
Один лишь ты, любовник страстной
И Соломирской и креста,
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа . . . »

Такие стихи не редкость для Пушкина в эту эпоху. "Любовь и жажда наслаждений одни преследуют мой ум", писал он в *"Руслане и Людмиле"*. Путь легкомыслия и страстей вел к спорам, где меж лафитом и шампанским зрели идеи попытки переворота и где справедливо оценивались темные стороны пережившего себя крепостного права.

Революционно настроенное передовое дворянство гвардии "давало свой тон и окраску всему молодому поколению" *).

А так как прав был А. Пыпин **), и "Вероятно, ни один из наших поэтов не дал в своих произведениях столько автобиографических показаний, как Пушкин", то и это увлечение идеями гвардейцев отражено лирикой поэта. Речи П. Каверина, С. Муравьева-Апостола, М. Орлова, Ф. Глинки, трогали ум и сердце пылкого юноши. (Здесь очень

*) П. Анненков: *А. С. Пушкин в Александровскую Эпоху*. 1874, стр. 60.

**) А. Пыпин: *История русской литературы*, т. IV, стр. 393.

характерны слова С. И. Тургенева о Жуковском: "Пропадет талант его, если не всему либеральному посвятит он его". Работы П. Анненкова, А. Пыпина, Н. Котляревского, М. Нечкиной рисуют тот круг вольнолюбивых болтунов *), к которому тогда принадлежал и Пушкин.

«Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель . . .
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной? . . .»

Словом только либеральными "стихами можно теперь заслужить бессмертие". С. Тургенев советовал: "Пусть первая песнь его (Пушкина) будет: "Свободе" **).

Из серьезных стихов большого значения следует вспомнить "*Деревню*" и оду "*Вольность*"; их широко распространяли в рукописных копиях юные "якобинцы". Ими зачитывались, их многие знали и наизусть по утверждению декабриста Ивана Дмитриевича Акушкина ***). Пушкин в 1819 году летом посетил после известного периода отсутствия родовое село Михайловское. С крыльца небольшого помещичьего дома Пушкин смотрел на воды озер — Маленца и Кучан и думал о крестьянах:

« . . . Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада
Овины дымные и мельницы крылаты . . .
Но мысль ужасная здесь душу омрачает.

*) См. особенно позор ряда признаний декабристов в книге М. Довнар-Запольского: "Мемуары декабристов". Киев, 1906.

***) См. "Пушкин. Временник Пушкинской комиссии", т. I, 1936, стр. 497.

)) Очень видный революционер (1793-1857), просветитель, один из основателей Тайного О-ва декабристов, предлагавший сам посягнуть, на жизнь Государя.

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор *).
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца;
Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влечется по броздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут . . .

и т. д.

И бодро пророческое окончание :

Увижу ль я, друзья, народ неугнетенной
И рабство падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?»

Правду ли писал Пушкин? Да, но сильно для тех времен преувеличенную правду "Друга человечества". А. Тургенев прочтя стихи похвалил их прелесть и силу отметил "и преувеличения насчет псковского хамства" (**). Коли все правда, то почему Друг человечества получив в обладание Болдины и Кистеневки не освободил своих рабов, как это сделал Жуковский? Правда и в не столь отдаленное время были беспорядки и крестьянские волнения в соседнем селе с Михайловским у помещика А. Вындомского, как показал в своей статье 1958 г. Н. Малеванов ***), но это было в 1783 году! Не Пушкин ли в зрелые годы порою брался в известных случаях за нагайку, а порою с "дерзким" слугою был не чужд рукоприкладству? ****) Другое время было,

*) Я согласен с теми из комментаторов, кто считает слово позор — вид, призор. Ср. у А. Герцена позорище — театр, представление.

**) Ср. А. Степанов: *Лирина П-на*, стр. 298 и "Остафьевский архив кн. Вяземских", т. I, стр. 296.

***) "Пушкин" . . . т. II, 1958, стр. 370 сл.

****) Ср. Н. Котляревский: *Пушкин*, стр. 34.

другие нравы, условия жизни; не случайно позднее вспоминал Некрасов и таких русских "Мирабо", что хлестали в ус и рыло "старого Гаврилу" "за измятое жабо". Но не редко бывало, что помещик — "был простой и добрый барин" и у него "не токмо в доме, но и в целом селении водворялась свобода и миролюбивые между всеми отношения" *). Случалось, что из истинной любви к помещику крестьяне по своему почину возводили по смерти барина ему памятник! Многие (Жуковский, Пущин, Тучков, Нарышкин и др.) стремились облегчить положение крестьян, защитить от произвола старост и т. д. "Деревня" **) не была напечатана полностью, но и самая радищевски заостренная, вторая часть ходила в рукописных копиях. Как и ода "Вольность" (1817 г.) эта часть стихов в духе обличителя помещиков, автора "Путешествия из Петербурга в Москву". "Деревня" — одно из первых стихотворений бытового характера, где, как справедливо отмечено Н. Степановым, "впервые в творчество Пушкина входит тема народа".

Пушкин знал и помнил Радищева. На слова Н. Тургенева "... Мы на первой станции образованности", поэт возразил: "Да ... мы в Черной Грязи". *Черная грязь* название одной из глав книги А. Радищева.

Нечто более отвлеченное, в духе и стиле XVIII века, кое в чем напоминающе оду вольности Радищева же — Пушкинская *Вольность* 1817 г. Она слабее "Деревни", но и в ней есть сильные строфы. Отрицая с гневом идеи убийц Людовика XVI, Пушкин вспоминает и убийство Императора Павла I:

*) См. А. Кирпичников: *Очерки по ист. рус. лит.*, стр. 358, 365 и "Архив братьев Тургеневых", выпуск 2-й. Дневник и выпуск 5-й. — Там и о надежде на освобождение императором всех крестьян.

**) Александр I поблагодарил Пушкина через Васильчикова "за возбуждение добрых чувств".

«Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны
На лицах дерзость, в сердце страх . . .» *)

Посылая проклятия Наполеону I, которого в это время считал злодеем, Пушкин зовет к подчинению всех законности:

«Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стойте выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон»

Интересно, что Пушкин совершенно пренебрегает здесь идеей помазанника Божия. Власть царей крепка лишь в сочетании "Вольности святой" с мощью законов. Самое опасное для юного поэта было призвание народов к восстанию (против порабощения Наполеоном?):

«Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы».

Во вступлении Пушкин, следуя советам своих радикально-либеральных друзей, вопиет:

«Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру . . .
Хочу воспеть свободу Миру,
На тронах поразить порок».

Стихотворение это носит на себе следы агитационно-архаической лексики и было в духе передовой, либерализму и болтовне преданной дворянской интеллигенции. Еще не пришло особо горькое разочарование 1823 г.:

*) Ода "Вольность" писана на квартире бр. Тургеневых с видом из окон на дворец Павла — "забвенью брошенный дворец".

«Свободы сеятель пустынный *)
Я вышел рано, до звезды,
Рукою чистой и безвинной
В поработенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич».

Посылая это стихотворение с эпиграфом от Матф. XIII, 3, поэт лгкомысленно называет притчу Евангелия басней "умеренного демократа Иисуса Христа" **).

А еще в 1818 г. в послании к Чаадаеву прорекал:

«Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!»

1819 г. Поэт пишет эпиграмму на Аракчеева, — издана М. Цявловским.

«В столице он — капрал, в Чугуеве ***) — Нерон:
Кинжала Зандова ****) везде достоин он».

*) Т. е. одинокий. Разочарование вызвано успешным подавлением ряда восстаний (Италия, Испания, Греция).

**) В зрелые годы, в рецензии на книгу Сильвио Пеллико "Мои тюрьмы" он уже иначе расценивает глубину Евангелия и все снова и снова возвращается к его текстам.

***) Аракчеев жестоко расправился с восстанием в уланском Чугуевском полку. Чугуев небольшой городок харьковской губернии на Северном Донце.

****) Занд убил писателя и драматурга реакционного направления — Августа Коцебу, — заколов его кинжалом в 1819 г.

О Государе Пушкин уже давно изменил свое мнение, примкнув всецело к духу Союза Благоденствия. Он в насмешливых стихах, широко известных в рукописных копиях, называет его "Кочующим деспотом", а его слова — "сказками". Он славит убийство герцога Беррийского, приписывает революцию в Испании 1820 г.:

«Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин»

Сходная, но гораздо ярче и глубже выраженная мысль встречается и в "Пире во время чумы".

"...Есть упоение в бою", дающее, как и всякая близость смерти, ощущение возможного бессмертия:

«Все, все что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья,
Бессмертья может быть залог . . .
И девы розы пьем дыханье
Быть может полное чумы».

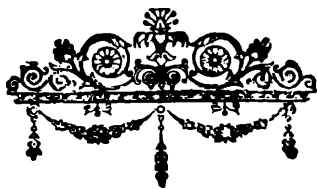
В это время поэт пишет ряд острых эпиграмм. Князь Вяземский тоже одобрял его выпады в стихах и говорил в письме, что Сверчок *) "должен... крикнуть эпиграмму". Пушкин особенно стал неистовствовать пером после того, как узнал, что по городу ходили слухи, что его по высочайшему повелению высекли как мальчишку. Сохранился и черновик письма поэта к Александру I из Михайловского:

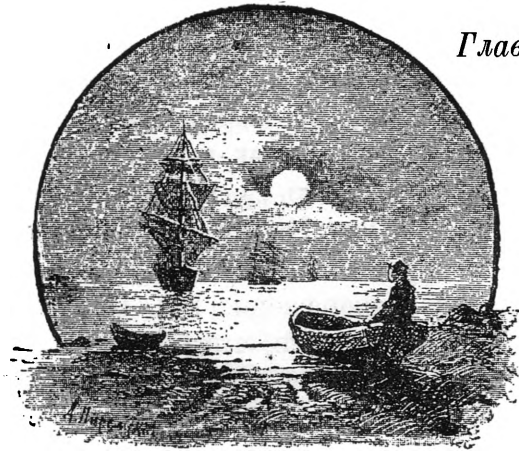
"Необдуманнные речи, сатирические стихи обратили на меня внимание в обществе, распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен . . . Я почувствовал себя опозоренным в обще-

*) Прозвище Пушкина в "Арзамасе".

ственном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли... Я решил тогда вкладывать в свои речи и писания столько неприличия, столько дерзости, что власть вынуждена была бы наконец, отнестись ко мне, как к преступнику. Я надеялся на Сибирь или на крепость *), как на средство к восстановлению чести“. Весною 1820 г. Пушкин жалуется другу: ”Петербург душен для поэта“. В мае он должен уехать и уезжает в распоряжение ген. Инзова в город Екатеринослав. Подумать только, что бы случилось с поэтом, пиши и говори он подобным образом о Сталине и его приспешниках, о Гитлере и его Гиммлере, о Насере или Фиделе Кастро? Действительно, при царях в общем было и посвободнее и полегче для бунтующей неустоявшейся души. За сто сорок лет прогресс или регресс? Стоит призадуматься отчего кровь подшевелила.

*) Т. е. заключение в крепостную тюрьму.

ССЫЛКА НА ЮГ

И с началом ссылки поэт не унялся, но все более растущий талант, свежесть новых впечатлений, роскошь южной природы, свободная стихия блещущего моря спасли душу и сердце буйного юноши. На Юге это произошло не сразу, а постепенно, чтоб завершиться, в основном, в типе Михайловского. Юг принес влияние Байрона, усилил сперва идеи титанического, мрачного разочарования, “поэзии мрачной, богатырской, сильной”, *) но и натолкнул через того же Байрона на тему “Евгения Онегина”. Печаль ряда лирических строф из поэм южного цикла перекликается с лирическими стихами и местами с рядом строф из “Евгения Онегина”. На Юге сердце его затронула Екатерина и Мария Раевские, А. Ризничь и Е. Воронцова. Блеск и полуденный воздух его опьянили. В письме к Дельвигу он так изображает открывающуюся ему природу Крыма: “Увидел я картину пленительную, разноцветные горы сияли:

*) См. письмо к А. А. Дельвигу 1821 г.

плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ими; справа огромный Аю-Даг . . . и кругом это синее, чистое небо и светлое море, и блеск и воздух полуденный“.

Не случайно слова ”жар“, ”пламенная“ в стихах, не вошедших в поэму ”Евгений Онегин“, но носящих следы воспоминания о Юге:

«А там, меж хижин татар . . .
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь . . . »

К воспоминаниям о Тавриде (Крым), относится прозаическая запись Пушкина, обследованная Б. Томашевским в работе ”Таврида Пушкина“. Любовь к М. Раевской, дружба всей семьи успокоительно действовали и вместе с тем давали новую пиццу серьезному воображению, окрыляли золотую мечту. Запись гласит: ”Страсти мои утихают, тишина цар(ит) в душе моей ненависть, раскаяние все исчезает — любовь одушевл(ение) . . . “

Три раза коснулся в стихах поэт этого замысла. Мне думается, отрывок

«Ты вновь со мною, наслажденье;
В душе утихло мрачных дум
Однообразное волненье!
Воскресли чувства, ясен ум.
Какой-то негой неизвестной,
Какой-то грустью полон я;
Одушевленные поля,
Холмы Тавриды, край прелестный —
Я (снова) посещаю (вас) . . .
Пью томно воздух сладострастья,
Как будто слышу близкий глас
Давно затерянного счастья . . . »

отражает лучше всего это настроение Пушкина. Это к Раевской относится в "Бахчисарайском фонтане":

«Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную;
Все думы сердца в ней летят
Об ней в изгнании тоскую . . . »

И далее уже мечта и просветленная память о красоте:

« . . . Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор . . . »

И в этот период общения с высококультурной семьей Раевских, живя беспечно и счастливо — "Свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства . . . счастливое, полуденное небо; прелестный край . . ." *) впервые начинает появляться мотив самоосуждения, переоценки своих чувств и мыслей буйной юности. Пушкину кажется:

«Мне вас не жаль, года весны моей
Протекшие в мятежном заблужденьи . . . »

К 1821 г. относится очень ценное наблюдение И. П. Липранди того, как творил поэт и до какой степени овладевала им начатая тема. Пушкин зимою 1821 г. поехал к Липранди в Аккерман и Измаил. Все время писателя волнует тема — Овидий в изгнании. Этот мотив внесен и в поэму "Цыганы". Чем-то трогательно личным веет от начальных строф "К Овидию". Протяжный стих спокойного дыхания словно перемежается с глубокими вздохами:

«Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов

*) Письмо к Л. Пушкину, сент. 1820 г.

Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил:
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой *) наполнен сей предел . . .
Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их . . . »

Длинное в 104 строчки послание полно гордой грусти, мечтаний о славе, нежности к Назону и ярких описаний природы. Вот создание этого-то произведения и описывает И. Липранди.

” . . . Пока нам варили курицу, Пушкин что-то писал, по обычаю, на маленьких лоскутках бумаги и как ни попало складывал их по карманам, вынимал опять, просматривал и т. д. . . . Помню очень хорошо, что он жалел, что не захватил с собой какого-то тома Овидия **) . . . “ И поздно ночью Пушкин продолжал писать. На другой день ”Пушкин проснулся ранее меня. Открыв глаза, я увидел, что он сидел на вчерашнем месте, в том же положении, совершенно еще не одетый, и лоскутки бумаги около него. В этот момент он держал в руках перо, которым как бы бил такт, читая что-то; то понижал, то подымал голову . . . “

В дополнение к этой картине хочется привести несколько выдержек из стихотворения-послания к Чаадаеву (1821 г.):

« . . . В уединении мой своенравный гений
Познал и тихой труд, и жажду размышлений . . .
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне».

И тут, еще на Юге он понял ”что нужно Лондону, то рано для Москвы“, но умом, а не чувством! На Юге декабристы и свободолюбивые движения (Валахия, Молдавия,

*) 1793 г. строя крепость А. В. Суворов назвал ее Овидиополь.

**) Вероятно Tristii.

Греция, Сербия) давали новую пищу легко воспламеняющемуся чувству:

”... Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками, я один говорил как грек — все отчаявались в успехе предприятия Этерии...”

Отсюда:

«Встань, о Греция, встань!
Не даром напрягаешь силы,
Не даром потрясает брань
Олимп, и Пинд, и Фермопилы...»

И более раннее:

«Гречанка верная! не плачь, — он пал героем,
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь — не ты ль ему сама пред первым боем
Назначила кровавый Чести путь?..»

Пушкин, в этот период, общается с рядом декабристов: К. Охотников, М. Орлов и др. Он знакомится со взглядами В. Давыдова, А. Юшневского и Н. Басаргина. Просто и правдиво сказал Пушкин в письме к Н. Гнедичу *): ”Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами“.

В послании к В. Давыдову читаем и такие стихи:

«... Ужель надежды луч исчез?
Но нет! Мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся —
И я скажу: «Христос воскрес».

В этом духе кровавых мечтаний, в беспощадном духе П. Пестеля **) и Якушкина, говорившим о насильственном

*) Николай Иванович Гнедич (1784-1833) ”Рыбаки“, ”Рождение Гомера“, перевод ”Илиады“ 1829 г. и др., поэт в юности радикального направления.

**) В это время Пушкин считает, что П. И. Пестель ”умный человек во всем смысле этого слова“... И это при отрицании террора якобинцев со стороны поэта!

перевороте, написан и не печатавшийся при жизни поэта "Кинжал". Не был ли, успеет он в ужасном замысле, и Пестель "Апостолом гибели", как презираемый Пушкиным Марат? Но кто же и спрашивает от разгоряченного поэта суровой логики и планомерности заключений? Откуда при прославлении убийцы Коцебу проклятие Марату? —

«... Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом Вольности безглавой
Палач уродливый вознне.

Чудесное стихотворение "Узник" (романс муз. Варламова) навеяно посещениями острога, где были и "ночные птицы и вольные" (слова о самом себе "первостатейного каторжника"), и заключением в Тираспольскую крепостную тюрьму В. Ф. Раевского *):

«Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный на воле орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном...

И строчки далее, воспоминание о слышанных поэтом словах разбойника:

«... Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

В Кишеневе, однако, написан и ряд непристойных и с художественной стороны ничего не дающих стихов и эпиграм. Поэт все не находит устойчивости. Левые круги, атеистически расположенные люди ему близки, его манят и... стараются развратить. После подавления революции в Неаполе (1821 г.) и ареста испанского революционера Риего,

*) См. М. Цявловский: *Летопись*, I, 297-299. См. и Б. Городецкий: *Лирика* стр. 246-247.

в Пушкинской лирике под крылом романтизма меняется отношение и к Наполеону I *). Сразу после смерти "Маленького капрала" Пушкин набрасывает начало стихотворения — Оды Наполеону. Для изучающего лирику Пушкина часто особенно ценно именно начало стихотворения и то, как поэт над ним работает. Дав "тон", здесь он спешно набрасывает основные мысли в прозе, чтоб позднее их переработать в стихи с измененным вступлением. В черновиках читаем:

«Великолепная могила !..
Над урной, где твой прах зарыт,
Народов ненависть (почила),
И свет бессмертия горит...

Народы спрашивают Тот ли который — Где он... Угас тот, который то и то и Россию... Но да не упрекнет его русской... Россия славна — бедная Франция в унижении. — Он об ней мыслил — Остров Ел. — Там он думал об том... "Отрицательное отношение к реакции, а сверх всего к "Священному союзу" А. I, меняло и восприятие личности самолюбивого Корсиканца:

«... Да будет омрачен позором
Сей малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит узором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал».

В этой же оде в черновиках были слова и о царе:

«... В Москве не царь, (в Москве Россия!)
Война по гроб наш договор».

*) Наполеон умер 23 апреля ст. ст. 1821 г. на о. Святая Елена.

В этот период живая мысль Пушкина была занята проектами аббата Сен-Пьера о вечном мире, ибо предназначение всех людей "есть, жить и быть свободными". Для великих же страстей и военных талантов поэт полагает, что "на это всегда будет гильотина". Т. е. для возможных бунтарей против общественного строя он предлагает смертную казнь. Но почему же тогда сожалеть о тех крайних декабристах, стремившихся прежде всего к установлению кровью и насилием на долгий срок суровой диктатуры? Наполеон манил к себе гений Пушкина. В черновике 1824 г. записаны знаменательные слова недоумения и новой переоценки "Чудесного мужа, посланника Провиденья":

«Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель? . . .»

Б. Городецкий прав, говоря о сложности и прямой противоречивости настроений, дум и стихов поэта. За временным успокоением следовали новые словесные бури, сердечные бунты, восстания полков мыслей. Да и нельзя стремиться для этой эпохи увидеть ясность во взволнованной глубине души Пушкина. И много, много позднее он прекрасно отдает отчет в том, что его Муза подобно эху, откликается на все:

« . . . Идет, куда его влекут
Мечты свободные . . .
Таков поэт! Как аквилон,
Что хочет, то уносит он:
Увядший лист, иль прах площадный,
Иль купол . . .
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона, избирает
Бумир для сердца своего». (1835).

Стихотворение "Демон" дает возможность почувствовать со всей определенностью горечь размышлений и яд сомнения того поколения образованного общества, в котором было "это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям", эта "преждевременная старость души", что "сделались отличительными чертами молодежи" *).

«В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь . . . —
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня . . . —
Неистощимой клеветкою
Он Провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел».

Характеристика демона и "его улыбка, чудный взгляд", опасность его речей, отрицание красоты и гармонии мироздания, откликнутся позднее в "Демоне" Лермонтова.

Важно, что и поняв сущность "духа отрицания, духа сомнения" поэт все еще сам в плену все той же романтической традиции. 1821 г. и позднее он может написать стихи о себе совсем в духе Милонов-Рылеев-Ленский, те самые о которых уже с легкой насмешкой говорит в "Евгении Онегине". Чем не Ленский? —

*) Слова самого Пушкина о характере "Кавказского пленника", их легко применить к Печорину М. Лермонтова.

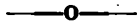
«... Когда меня навеки обьет смертный сон,
Над урною моей промолви с умилением:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен и любви последним вдохновеньем».

С южной ссылкой связано и мучительное увлечение А. Ризничъ; ей посвящено несколько перлов южной и позднейшей лирики, а равно и Е. Воронцовой. О любви к Амалии Ризничъ у нас еще речь впереди. Мы подходим к эпохе ссылки в Михайловское.

В УЕДИНЕНИИ СЕЛА МИХАЙЛОВСКОГО.

БЛАГОТВОРНОЕ значение ссылки не открылось сразу. Друзья негодовали: "...Как можно такими крутыми мерами поддразнивать и вызывать отчаяние человека! Кто творец этого бесчеловечного убийства? Или не убийство — заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской... Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки... " *)

Боже, подумаем мы, это ли *пытка*, если вспомним всякие Сталинские ссылки типа Воркуты. Михайловское с его няней, с посещениями друзей, с правом переписки! С прогулками и выездами верхом. Свой дом, сытость, чтение книг... Барская лень, лежи — сколько угодно, вставай — когда хочешь, укладывайся спать по своей вольной волюшке... Уже трезвей оценивает поэт ранее сводившего его с ума Байрона: "Гений Байрона бледнел с его молодостью. В своих трагедиях, не выключая и "Каина", он уже не тот пламенный демон, который создал "Гяура" и

*) Письмо кн. Вяземского 1824 г. — См. Остафьевский архив, т. III

”Чайльд Гарольда“ . . . Он весь создан был навыворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал . . . “ Пушкин пишет далее о ”высоком человеческом таланте“, но считает Байрона, если не испившимся, то окаменелым гением. Эта оценка бывшего кумира в письме к близкому другу — П. Вяземскому, замечательна. Сам Пушкин все время шел вперед, темы, образы пристрастия, сам стих его непрерывно ”росли“, менялись и развивались в новом направлении. Самое поразительное в лирике Пушкина, да и во всей его творческой деятельности, непрерывное движение, непрерывное цветение дерева его таланта, дающего после цветов плоды, а за ними новые цветы, новой окраски и новые же плоды иного вкуса и запаха. Отталкиваясь от романтизма и титанического демонизма Байрона в конце жизни на Юге, Пушкин по новому, на основании личных наблюдений, расценивает и всеевропейское увлечение Грецией и судьбой ее народа: ”О судьбе греков позволено рассуждать, как о судьбе моей братья негров, можно тем и другим желать освобождения от рабства нестерпимого. Но чтобы все просвещенные европейские народы бредили Грецией — это непростительно . . . Иезуиты натолковали нам о Фемистокле и Перикле, а мы вообразили, что пакостный народ, состоящий из разбойников и лавошников, есть законнорожденный их потомок и наследник их школьной славы . . . “ В Михайловском отделяется ”К морю“ (Прощание с морем) и по свежим воспоминаниям о Юге пишется чудесное краткое стихотворение ”Виноград“. Основой его служило сравнение виноградин с пальцами молодой девушки. Виноград — дитя осени противопоставляется в дальнейших набросках ранним розам. Образ-сравнения винограда с перстами девы сливается с мыслию об Осени и мы получаем окончательную редакцию:

«Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;

Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины златной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный
Как переты девы молодой».

Концовкой стало начальное, яркое сравнение! В этом стихотворении поражает нас любованье тем, что сейчас; тем, чем насыщаются глаза поэта. Из предшествующего варианта выпало, напр., "Мне виноград милей". Поэт захотел подчеркнуть не превосходство винограда, а то, что и он мил его сердцу своей неповторимо прекрасной формой, прозрачностью обещанной улады. Слово *златой* отнесено к осени, но оно дает отраженный, как бы звучащий свет и цвет прозрачным гроздьям винограда. В начале Михайловской ссылки создан и другой шедевр — "Фонтану Бахчисарайского дворца". В поэтическом воображении произошло чудо претворения действительного впечатления 1820 г. Поэт в письме к бар. Дельвигу замечает: "Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного Хана. К** поэтически описывала мне его, называя *la fontaine des larmes*. Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из ржавой железной трубки по каплям падала вода...". Светлое воспоминание о Юге в русской деревне преобразило все. Нет ржавой трубки с ее скучной капелью. Фонтан любви ожил, заговорил, зашумел, его бисерная серебряная пыль превратилась в слезы, послышался "немолчный говор":

«Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне былъ . . .

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальней;
Но о Марии ты молчал . . . *)

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон **) воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал».

Не случайно, что позднее, вспоминая дни Михайловской ссылки, поэт говорит:

«Но здесь меня таинственным щитом
Святое Провиденье осенило, —
Поэзия, как ангел — (утешитель) —
Спасла меня, и я воскрес душой».

В Михайловском созданы и эти дивные искренние п. 9.
строки послания к Я. Чаадаеву:

« . . . Но в сердце бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиление вдохновенном,
На камне, дружбой освященном
Пишу я наши имена».

*) Намек на поэму "Бахчисарайский фонтан" и ее главную героиню Марию.

***) Сон в терминологии романтиков обычно равен мечте, мечтаньям, rêveries.

Он лечился в типине уже не зреть "врага в бесстрастном судии". Утихала тревога и бурные чувства "мести бледной". Нет, Михайловское было спасительной и необходимой гаванью. Корабль жизни Пушкина неся кренясь то влево, то вправо по бурным валам, совершенно лишенный балласта. Без балласта же нет устойчивости и грозит гибель. С Михайловским в первое время 1824 г., особенно осенью связана и острая грусть и желание светлого Юга: "Все, что напоминает мне море, наводит на меня грусть — журчание ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства, но слава Богу небо у нас сивое, а луна точная репка".

Тогда создано:

«Ненастный день потух, ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла . . .
Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой,
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами . . .
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами
Там, под заветными скалами
Теперь она сидит печальна и одна . . .

Далее следует, как вспышка молнии, ревность после картины любовных ласк. Этот шедевр Пушкинской лирики, как бы состоит из трех соединенных жемчужин: в начале описание мрачного вечера в северном Михайловском; Потом описание пленительно яркого Юга со слов "Далеко, там"; и, наконец, образ любимой, одиноко тоскующей под навесом диких скал побережья. Последняя обрывисто нервная, напряжением ревности охва-

ченная строка из двух слов и многоточия: "Но если . . . " новость для лирики того времени. Сходна атмосфера стихотворения "Ночь" 1823 г., "Под небом голубым страны своей родной" 1825 г. и даже "Заклинание". Все они как-то связаны, по моему, с мучительной любовью-страстью к А. Ризничь. "Для сладкой памяти невозвратимых дней" поэт и будучи женат и влюблен, находил все новые слова все новые образы для той, что стала для него "Дальней звездой", "легким духом" Прошлого. Все авторитетные пушкиноведы относят "Ненастный день потух" к любви поэта к графине Е. Воронцовой. Несомненно, они правы, но самый дух особой печали, дыхание чего-то неизбежного сближают и это стихотворение для меня в один цикл со стихами, посвященными Амалии Ризничь.

Другое слышно в, посвященном Е. К. Воронцовой, "сожженном письме".

Е. К. Воронцова послужила и как один из прототипов для обрисовки образа Татьяны в "Евгение Онегине". Условно в письмах А. Н. Раевский и Пушкин называли графиню "Татьяна": " . . . Расскажу вам о Татьяне. Она приняла живейшее участие в вашем несчастье *) ; она поручила мне сказать вам об этом, я пишу вам с ее согласия. Ее нежная и добрая душа видит лишь несправедливость, жертвою которой вы стали, она выразила мне это со всей чувствительностью и грацией, свойственными характеру Татьяны . . . " Следует отметить, что по разным веским причинам Пушкин не доверял А. Н. Раевскому **). Вероятно, к нему относятся строки о презренном клеветнике, накинувшем цепь на сонного, в стихотворении "Коварность" 1824 г., а к Воронцовой — распаленное страстью

*) Читай — ссылке в Михайловское.

**) Есть все основания считать А. Раевского соперником Пушкина в кругу гр. Воронцовой.

и горечью — ”Все в жертву памяти твоей“ (1825 г.). В этих стихах без названия есть удивительная строчка:

« . . . И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья»

По мнению некоторых из авторитетных пушкинистов самым сильным чувством в жизни поэта была его любовь к графине Воронцовой. Раздумывая над т. н. ”Донжуанским списком“, сравнивая продолжительность силы воспоминания, мне чудится иное. Нежнее всего любил Пушкин Раевскую; больше всего, страстнее и мучительно сладостно — А. Ризничь *) Значения, и очень очень большого, его чувств к гр. Е. Воронцовой, ее эхо в лирике никто не может отрицать, но сложность обстановки, известные сомнения поэта, словно не дают этой любви стать выше всех, несмотря на обширность Воронцовского цикла и такие стихи, как ”Храни меня мой талисман“ и др. — Пребывая во власти воспоминаний, Пушкин уходит в прошлое и свое, и России, ищет в среде добрых и верных друзей забвенья:

« . . . И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманет караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов . . .

И рядом в чисто народном духе предвосхищение сватовства из повести ”Арап Петра Великого“:

« . . . Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он-то арап чернешенек,
А она-то душа белешенька».

*) По-сербски в конце стоит мягкое ”ч“, обозначаю его ”чь“.

В 1825 г. написано К** (А. Керн) "Я помню чудное мгновение". Мы еще вернемся к этому гениальному стихотворению в главе IX, раздел 5. Стихи, положенные на музыку композитором Глинкой, известны всем читателям Пушкина. Я примыкаю к мнению Н. Степанова *), что все стихотворение "во многом автобиографично". Чувство вспыхнув почти исчезло, не сделавшись особо драгоценным воспоминанием о бывшей связи. А. П. Керн стала на момент мимолетной встречи импульсом к пробуждению сердца и ума, гения и его чувств, воскресением из тьмы уединения, тоски и печали:

«... В крови заиграла воскресшая младость,
Святые восторги наполнили грудь» **)

Слова же "гений чистой красоты", как доказательно привел в своей работе "О стиле Пушкина" Акад. В. Виноградов, связаны с Жуковским и его двумя произведениями — "Лала-Рук" (1821) и "Рафаэлева Мадонна" (1824 год проза).

С А. П. Керн Пушкин познакомился у М. А. Олениной еще в 1819 г. Ей было лет восемнадцать. А. Керн вспоминала вечер с Пушкиным:

"Пушкин уселся с братом моим позади меня и старался обратить на себя мое внимание льстивыми возгласами, как например: "Est il ^vd'être aussi jolie!" Потом завязался между нами шутливый разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай... Когда я уезжала и брат сел со мною в экипаж, Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами. Впечатление его встречи со мною он выразил в известных стихах:

«Я помню чудное мгновенье...»

*) См. Лирика Пушкина, 1959, стр. 328. — Ср. кроме того В. Томашевский: Пушкин, II (1961), стр. 73 сл.

***) "Подражание Корану" посвященное П. А. Осиповой.

у possible

Новая встреча произошла в 1825 г. в Михайловском. А. Керн была ветреная блондинка, не любившая своего старого мужа, за кого ее почти силой выдали замуж еще лет шестнадцати. Это была дама чувственно-влюбчивая, сентиментальная поклонница *Новой Элоизы* Ж. Ж. Руссо. В письме к приятелю А. Родзянко, ставшем предметом любви А. Керн, поэт шутливо заметил в 1824 г. "Объясни мне, мой милый, что такое А. П. Керн, которая написала много нежностей обо мне своей кузине? Говорят она премиленькая вещь, *но слазны Лубны* *) за горами..." и т. д. И вот по приезде Анны Петровны Керн в Тригорское всплыло первое впечатление и создало самозабвенный восторг пред "гением чистой красоты". Не тот же ли это пример, что и ржавая трубка умолкшего Бахчисарайского фонтана, внезапно превращенная Музой в фонтан живой любви? Лирика поэта напряженно вспоминает и претворяет и видение прошлого, и наставший момент в чудо искусства. Он вспоминает, что

«В томленьях грусти безнадежной
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты . . .» и т. д.

Поэт вспоминает свое заточенье **). Строчка говорящая о воскресении вновь к жизни и вдохновению — чистое поэтическое и в стихах уместное преувеличение. И до встречи с А. Керн муза Пушкина была и живой и творчески активной, а его письма передают нам переменчиво живую натуру их творца. А. Керн была важным импульсом для вдохновения. Она так описывала в своих воспоминаниях ***) прогулку в село Михайловское:

*) А. Г. Родзянко сблизился с А. П. Керн в Лубнах. Отсюда шутливое изменение Пушкиным пословицы "Слазны бубны за горами".

***) "Во мраке заточенья" — в ссылке. В тюрьме Пушкин не сидел никогда.

***) См. в издании "Academia", 1929 г.

” . . . Тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматами полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном, сестра, Пушкин и я в другом. Ни прежде, ни после я не видала его так добродушно-веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов; хвалил луну, не называл ее глупою *), а говорил: ”J’aime la lune, quand elle éclaire un beau visage“. Хвалил природу и говорил, что он торжествует, воображая в ту минуту, будто Александр Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною; это был намек на то, как он завидовал при нашей первой встрече Александру Полторацкому, когда тот уехал со мною. Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад

Приют задумчивых Дриад,

с длинными аллеями старых деревьев, корни которых сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавши туда вслед за нами, сказала: ”Mon cher Pouchkine, faites vos honneurs de votre jardin à Madame“. Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: ”Vous aviez un air si virginal; n’est-ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix? ...“ Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-й главы Онегина, в неразрезанных листах, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами *Я помню чудное мгновенье* и проч. и проч.“. Пушкин сразу после разлуки писал А. П.

*) Ср. Онегин: ”Как эта глупая луна на этом глупом небосклоне“.

Керн: "Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое некогда произвела на меня встреча наша у Олениных. Лучшее, что я могу сделать в моей печальной деревенской глуши, — это стараться не думать больше о вас. Если бы в душе вашей была хоть капля жалости ко мне, вы тоже должны были бы пожелать мне этого, — но ветренность всегда жестока, и все вы, кружа головы направо и налево, радуется, видя, что есть душа, страждущая в вашу честь и славу . . . *). Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас . . . "

Впечатление новой встречи совершенно вскружило голову поэту, правда на короткое время. В стихах своих он с сердечным трепетом восхищения говорит о новой встрече с "гением чистой красоты". Не следует упускать из виду и крайнюю влюбчивость Пушкина и его "переменчивость" в чувствах. В августе того же года в ответ на письмо А. Керн он пишет: "Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: Милая! прелесть! божественная! а потом: ах, мерзкая! Простите, прекрасная и нежная, но это так. Нет никакого сомненья, что вы божественны, но иногда вам не хватает здравого смысла". В этом письме Пушкин, как обычно во французский текст вставляет и русские слова. В одном из следующих писем Пушкин обронил интересное признание: "Я люблю вас гораздо больше, чем вам кажется". Вспышка чувства, пробудившего настоящее вдохновение, была не продолжительна, но в связи с разными привходящими обстоятельствами (напр., скука пребывания изгнанным в Михайловском и т. п.) дала русской литературе один из лучших образцов просветленной любовью лирики восторга жизнью и искусством **) и силою своего творческого гения.

*) Письмо от 25 июля 1825 г.

**) Подробный разбор мнений о значении биографического момента, или отрицание его, дан в книге Н. Степанова: *Лирика Пушкина*. 1959, стр. 337-340.

Влюбленность дала крылья и упоение силе земного впечатления. В письме к А. Керн не случайно повторены Пушкиным и после двух - трех недель разлуки сходные со стихами эпитеты милая (милый) нежная (нежный) и т. п. Связь в 1826 г. с А. П. Керн только содействовала скорейшему угасанию некогда так ярко и раскаленно вспыхнувшего чувства. Из "гения чистой красоты" сделалась "Вавилонская блудница Анна Петровна".

В Михайловском и Тригорском возшла снова поэтически прекрасная звезда веселой дружбы. Стихи Пушкина к поэту Н. М. Языкову и ответы последнего *) чудо как хороши! Лучшим образцом дружественной пирушки гения и таланта служит знаменитая "Вакхическая песня". В этих стихах словно слышится характерный звук чоканья бокалов — "На звонкое дно в густое вино" и заздравный гимн восходящему святому солнцу, свету и Разуму:

«... Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Эта картина победы дневного света над ночным после пира молодых людей впервые дана в стихах 1822 г. (?) "*Пир, любовницы, друзья*".

«... Так свечи, в долгу ночь горев
Для резвых юношей и дев,

*) Особенно — "К няне А. С. Пушкина", "Послание А. С. Пушкину" и "П. А. Осиповой". Ср. у Пушкина:

"Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвечки влюблены".

В конце безумных пирований
Бледнеют пред лучами дня».

Но значительно глубже и сильнее и мысль, и образы
”Вакхической песни“.

В духе тогдашнего вдохновения жизнью Михайловского написано одно из трогательнейших стихотворений поэта-изгнанника о дружбе и товариществе — ”19 октября“ *). Картина природы России, дух ее средне-северной полосы открывается во вступлении, посвященном поздней осени.

«Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день, как будто по неволе,
И скроется за край окружающих гор **)
Пылай камин в моей пустынной келье . . . »

Послание проникнуто нежной грустью и любовным прощением А. I (Простим ему . . . Он взял Париж, он основал лицей), теплыми воспоминаниями о проф. А. Кунницыне — ”Им чистая лампада возжена“. Поэт перечисляет лицейстов и говорит о воспитанном ”суровою Минервой“ Вальховском, Брельо, Данзасе, о ”пылком и незлобном казаке“ — Малиновском, об умершем Н. Корсакове, о мореходце Ф. Матюшкине, о друге — И. Пущине, о А. Дельвиге и других. Коснувшись и своей судьбы поэт восклицает:

« . . . Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен ***) —

*) Вышло в печати в 1827 г. в сокращении, сделанном самим поэтом.

**) В действительности — холмы.

***) Важное и интересное сравнение целостной и вечной души человека с кругом людей, связанных общей дружбой и воспоминаниями о прошлом.

Непоколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни привело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село».

В этих стихах, обращенных к друзьям, есть еще одна многозначительная строчка — "Служенье муз не терпит суеты; прекрасное должно быть величаво". К этой мысли — в связи с писаниями В. Кюхельбекера Пушкин заметит: "... *спокойствие*, необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частей (sic) в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следственно не в силе произвести истинно великое совершенство (без которого нет лирической поэзии)".

Когда среди еще живых и свободных *) одиннадцати лицейстов в 1836 г. у М. Л. Яковлева поэт читал в последний раз свое приветствие друзьям и начал:

«Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
Теперь не то . . . »

Пушкин заплакал после первых стихов и "отошел в угол комнаты" не в силах победить своего волнения. Мне не кажется возможным конец стихотворения **):

«И новый царь, суровый и могучий
На рубеже Европы бодро стал,
(И над землей) сошлись новы тучи,
И ураган их . . . »

*) В. К. Кюхельбекер, напр., пережил Пушкина лет на десять и умер в Сибири в августе 1846 г.

***) По словам поэта оно не было вполне доделано.

считать относящимся к декабристам, как это делает В. П. Городецкий. Слова о царе — могучий, суровый, "На рубеже Европы бодро стал" скорее всего не о мятеже на Сенатской площади. Это незавершенная попытка оценки деятельности Николая I, может быть, по отношению к Польше, Франции и т. п. Речь о рубеже и о том, что Николай I стал на нем с бодрой силой. Кто здесь прав, пока что трудно положительно утвердить. Пушкин был всегда впечатлителен, а порою и переменчив. Один из лучших его друзей — П. А. Вяземский *), говоря о юности поэта, замечает: "Он часто был Эолова арфа либерализма на торжествах молодежи и отзывался теми голосами, которые налетали на него". Если это вполне справедливо для 1819-20 годов раннего "поветрия" либерализма, то вряд ли в 1836 г. поэт был тем же через шестнадцать лет! Вспомним категорическое заявление Пушкина: "Бунт и революция мне никогда не нравились" **).

После начала "Онегина" и "Разговора книгопродавца с поэтом" (1824 г.) Жуковский оценил их как несравненные и предложил поэту "*первое* место на русском Парнассе". В Михайловском же написано и "Подражания Корану", по указанию К. С. Кашталева, сделанное по-русскому переводу Корана 1790 г. М. Веревкина. В. П. Городецкий ***) на основании работы К. Кашталева говорит о почти полной независимости пушкинских подражаний от текста Сур. Поэт-де использовал русский перевод "лишь как средство воспроизведения собственных мыслей и переживаний". Не будучи ориенталистом и не имея возможности сравнить текст русского перевода 1790 года с пушкинским, я все же далеко не согласен с исследователем лирики Пушкина. "Подражания Корану" я сравнивал с фран-

*) Сочинения, I, 323.

***) См. Пушкинский Сборник, Прага, 1929, статья В. Францева, стр. 92 и П. Сакулин: Пушкин и Радищев, Москва 1929, стр. 49 сл.

***) Лирика Пушкина, стр. 307-308.

цузским переводом М. Савари, М. Казимирского *) и с английским — Е. Пальмера. Пушкинский текст, как известно, оказал большое влияние и на Лермонтовскую балладу "Три пальмы", "Демона" и частично м. б. на "Беллеца". Суры в Коране, кроме введения, расположены в основном по их длине. Пушкинские "Подражания" берут некоторые мысли, а прежде всего образы, из разных Сур, но в главных чертах не отступают далеко от смысла перерабатываемого в стихи текста.

Изумительное по силе, как бы в пустыне Аравии раскаленное чувство стихов Пушкина, соответствует высоко поэтическим местам ряда сур Корана. Достоевский цитирует слова Пушкина в "Преступлении и Наказании" "о твари дрожащей" и сам в "Мертвом доме" передает довольно точно содержание двух сур Корана **). О Коране и Магомете-эпилептике речь и в романе "Идиот". Пушкин очень вольно следовал за переводчиком Корана, но *следовал* за ним. Таковы: описание твердости небесного свода, клятва "мечом и правой битвой" и "вечернею молитвой", обращение Аллы к женам Пророка, стихи о милостыне, о состязании Могучего с Богом, и др. взяты именно из Корана.

После 14 декабря 1825 г. самым значительным лирически-личным откликом Музы на зов поэта было стихотворение на смерть Амалии Ризнич (лето 1826 г.).

*) Ср. "... La vouë des cieux écroulés sur leurs têtes" ... и строки Пушкина и его примечание о их поэтичности. Или: "Mon Dieu, dit Abraham, est celui qui donne la vie et la mort. — C'est moi, répondit l'impie, qui donne la vie et la mort. — Hé bien, ajouta Abraham, Dieu fait lever le soleil à l'orient, fait qu'il lève à l'occident" ... **Le Coran**, traduit de l'Arabe... par M. Savary, A Paris, 1821, Vol. I, 42. См. у Пушкина: "... Но смолкла похвальба порока от слова гнева твоего: "Подъемлю солнце я с Востока, с заката подыми его" и многое другое. Ср. и точность перевода Пушкинских II, VII, IX. **Le Koran**. Traduction nouvelle faite sur le texte arabe par M. Kasimirski... Paris, Charpentier... 1847 и Е. Н. Palmer'a англ. перевод 1880 г. Коран содержит 114 "сурат" — глав.

) См. о Иисусе Христе и птицах рассказ Алея. — Ср. **Le Coran... par M. Savary, Paris 1821, pp. 54, III (48) и Translation of THE HOLY QURAN... by Muhammad Ali. Lahore (W. Pakistan) III edit., 1948, pp. 80, Ср. и указатель на стр. 909. Тексты всюду очень близки во франц. и англ. переводах, равно и в труде Казимирского. Магомет пользуется стихами из апокрифического евангелия. Достоевский их использовал в "Записках из Мертвого дома".

«Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала . . .
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я;
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени».

В этих стихах прежде всего поразительная по искренности и остроте тоска по грусти, печаль, что прошлое не живет в сердце, что пространство и время провели заколдованную черту и ее уже нет сил переступить *). Нет основания считать стихи внутренне связанными с декабристами. Правда, автограф имеет помету рукою Пушкина: "Усл. о см. 25 р. Усл. о с. Р. П. М. К. Б. 24". Помету расшифровали давно так: "Услышал о смерти Ризничъ 25 июля. Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 июля".

Во всем стихотворении речь о форме любви поэта и ни одного отзвука на смерть декабристов.

Скорее в знаменитом "Пророке" можно усмотреть стклики революционной музыки, в особенности в варианте "глубокой скорбию томим" и еще сильнее в утерянном окончании, вероятно бичевавшем и царя. Поэт-Пророк должен служить Божьей воле своим пламенным словом, как огнем очищая сердца людей. Еще 1822 году лицейский товарищ Вильгельм Карлович Кюхельбекер писал о

*) Этот переход "за черту" осуществлен поэтом в "Заклинании"

таким пророке-поэте, к которому обращается Всевышний:

«... На то ль тебе я пламень дал
И силу воздвигать народы?
Встань, певец, пророк свободы!
Вспрянь! возвести, что я вещал».

Стихи-то слабенькие, в них нет того отзвука великого Пророка Исаяи *), который слышен в "Пророке" у Пушкина. Нет вообще у Кюхельбекера ни силы, ни звона строк, ни могучих образов-картин.

Но традиция романтическая — поэт=пророк очень ясно проступает и обязывает с ней считаться каждого историка литературы.

Читая некоторых советских серьезных исследователей (напр. Б. Городецкий) порою только диву даешься. Говоря о стихах (Опричник — "Какая ночь . . ." **) 1827 г.), очень ясно изображающих казни Ивана Грозного в Москве, вдруг читаешь следующее: "Ситуация, лежащая в основе данного отрывка (молодой опричник, спешащий на свидание по залитой кровью площади), могла быть навязана и коронацией Николая I в Москве непосредственно после казни над декабристами". Тут же нет и тени сходства! Да и письма Пушкина 1826 г. и "Стансы", и "Друзьям" 1828 г. не дают никакого права говорить такие вещи.

Другое дело "Арион" (1826) или "Аквилон". Тут все Пушкинское, ясное: "А я — беспечной веры полн". В одной из черновых записей поэта оба стихотворения слиты соединением 2-х строк:

*) Ис. VI 1-10. У Пушкина в с. Михайловском была Библия по-французски. Но ряд церковнославянизмов у Пушкина соответствует и славянской версии, впрочем торжественность влекла к архаизмам.

**) Интересно отметить параллельность образов в "Опричник" (1827-1828 г.), "Стамбул гяуры нынче славят" 1828 г. и "Альфонс" 1832 г. "Теперь уже ль их не узнал? Мой борзый конь, мой конь удалый, Несись, лети!" И конь усталый Под трупом вырем проскакал". — "Альфонсов конь всхрапел — и боком, Пронесся резво легким скоком С своим бесстрашным седоком". — "Торчат железные зубы. С костями груди пещла тлеют, На кольях скорчась мертвецы Оцепенелые чернеют". — "Окровавленные зубы Везде торчали; угли тлели, На кольях скорчась мертвцы Ожоченелые чернели".

«Зачем ты бурн(ый Аквилон)
Нас было много на челне».

В Аквилоне — буря прошумев грозою и славой, разгоняет гряды черных туч и низвергает величавый дуб. Вот тут же скорее видна судьба гордыни Пестеля! И совсем иное, отрицательное отношение к тучам, что облекали глухо свод неба. Но многих из декабристов поэт любил и уважал, писал им послания, или напр. *эпитафию* для умершего сына М. Волконской, старался ободрить и утешить. Все это нашло живой отклик. Декабрист А. Одоевский так говорит о музе Пушкина:

«Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли.
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели...» *)

Декабристы были и родня по голубой крови Пушкину. Не случайно в "Моей родословной" он обронил горькие слова об упадке старинной славы многих русских родов:

«Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух...
Что их поносит и Фиглярин... **)

Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!»

В связи с этим духом века и той жизненной суетой,

*) Жизнь многих из декабристов очень скоро наладилась. Появились жены, привезли библиотеки, у многих было по несколько крепостных слуг! Оковы же вскоре были сняты. Кстати, на допросах мало кто держался с достоинством. Одно показание "вождя" кн. Трубецкого чего стоят!

**) Ф. В. Булгарин (1789-1859), издатель, с Н. Гречем, "Северной пчелы"; романы — "Иван Выжигин", "Петр Иванович Выжигин". Враг А. С. Пушкина и несомненный доносчик. По происхождению — поляк. Пушкин написал несколько эпиграмм на него.

которая окружила прощенного Николаем I и возвращенного в Петербург поэта, нам понятны его стихи 1827 г. "Поэт". В строках этого лирического излияния все исключительно интересно: Поэт такой же человек, как и все ничтожные дети этого мира.

«... Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется
Как пробудившийся орел»

Поэт в порыве вдохновения приносит в жертву все окружающее. Он чуждается обыденщины, с гордо поднятой среди черни головой он слушает неземной глас, божественное веление. Природа, вдохновение, Бог. Конец стихотворения по звукам напоминает мечту о море в Михайловском. Поэт — жрец высокого искусства:

«Не для житейского волненья
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».

Или в другом случае 1833 г. о свободе:

«... Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет».

В стихах же "Чернь" поэт думает, конечно, не о крестьянах и мещанах, а о светской черни, о тупой толпе.

Вспомним строчку из "Онегина": "Кто черни светской не чуждался...". Пушкин в зрелости чувствует все острее непонимание, именно большинством, его поэзии: "Ты царь: живи один", "Ты сам свой высший суд". Пушкин словно предчувствовал раннюю кончину. Писал и позднее — 1836 г. "Я памятник себе воздвиг неруко-

творный... “ Будущее принадлежало Пушкину.

Непонимание же лучших произведений, напр., первых глав “Онегина“, больно и долго ударило по сердцу поэта. Даже талантливые писатели и поэты, люди образованные, личные друзья-приятели (А. Бестужев-Марлинский) не воспринимали всей гениальной новизны реализма Пушкина. Чего стоят одни эти строчки: “Конечно, многие картины прелестны; но они не полны. Ты схватил петербургский свет, но не проник в него... Стоит ли вырезать изображения из яблочного семечка!“. И тут же, особенно тогда огорчивший поэта, совет поучиться у Байрона описанию русской столицы!

За гением Пушкина могли следовать разве единицы. Бестужев, советуя П. писать лишь о том, что “возвышает, что трогает русское сердце“, показал только полное неразумие основ Пушкинского искусства. Оно эволюционировало в направлении *идеал-реализма* *), тяготело к реальному в образах идеальной гармонии.

Со второй половины двадцатых годов Пушкин много ездит, не находит себе места — “Дорожные жалобы“, он жаждет быть где-то дома, иметь свой уголок: “То ли дело, братцы дома!“ Или: “Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная“. Воображению поэта в бессонные ночи **) представлялась вся жизнь, все “заблуждения... ранней молодости... Они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила“, пишет он о себе в 1830 г. В 1828 написана грустная оценка жизни “Дар напрасный, дар случайный“. Поэт прямо утверждает, что у него нет цели в жизни, что “сердце пусто, празден ум“. “И томил меня тоскою однозвучный ***) жизни шум“. Образ телеги, скачущей по неустроенным путям и перепутьям с путни-

*) Идеал-реализм употребляю в смысле философском, в значении данном ему в трудах моего учителя Н. О. Лосского.

**) Первое заглавие для стихотворения-исповеди “Воспоминание“ было — “Бессонница“ (1828).

***) Ср. “Однозвучный колокольчик“ в связи с тоскливым звоном.

ком усталым, горько разочарованным. Тут отсутствие своего дома, уюта очага семьи, потеря целей в жизни. Грусть. Тоска. Ответ на послание Филарета *) "Не случайно..." Пушкин написал совершенно, по моему, искренно, да и жизнь всегда влекла к себе жизнетворный гений поэта. В глубоком волнении своеобразного покаяния написан конец стихов:

«... Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт».

Что это так показывает и ряд строф из незавершенного стихотворения 1829 г. "Воспоминания в Царском Селе", — возврат к прославившим Пушкина лицейским стихам читаем — "14 декабря 1829 г. С. П. Б.":

«... Воспоминаньями смущенный
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшей головой.

Так отрок **) Библии, (безумной) расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал...»

Обвинения (справедливые) поэта в авторстве злополучной "Гавририады", история со стихами "Андрей Шенье", где цензура и высшие чины увидели проповедь революционных идей, угнетали поэта в 1828-29 г.г. К концу 1829 г. относится "Брожу ли я вдоль улиц шумных". Это произведение написано 26 декабря 1829 г. в 3 часа пять

*) Е. Хитрово сообщила текст "Дар напрасный..." митрополиту Филарету и он в стиле Пушкинских строф написал свой знаменитый ответ.

**) Намек на Еванг. притчу о блудном сыне. См. от Луки гл. XV.

минут в Санкт-Петербурге. Пушкина преследовала мысль о смерти: "Мысль о смерти по вс (юду)" *). Последняя строчка трижды менялась:

1) "И равнодушная природа / *Знакомой прелестью сиять*"

2) "И равнодушная природа / *Безмолвной прелестью сиять*"

3) "И равнодушная природа / *Красою вечною сиять*".

Последнее удачнее всего. От слова двусмысленного прелесть (ср. церковносл. его значение) поэт обращается к величавому понятию Красы; эпитеты "знакомой" (мертвецу уже!) или "безмолвной" (прелесть сама по себе красноречива, а природа имеет и звуки) заменены возвышенным и спокойным Пушкинским словом *вечною* в соединении с красотою и дают в этом слиянии мир обобщающего и высокаторжественного искусства. Отмечу вскользь, что конечно по-Пушкину надо читать слова: "уединённый", "забвённый", а не уединённый. Равно и в "Анчаре" "раскалённой" — е, а не ё и рифмуется со "вселённой". Об оттенках слов днёвный и дневной у поэта есть интересное исследование А. Л. Бемз.

* * *

Весною 1829 г. Пушкин уезжает на Кавказ в действующую против турок армию. Тут интересно для пушкинистов выяснение мгновённости отъезда. Последней каплей, переполнившей чашу терпения поэта, мог быть отказ-неотказ, но неопределённость ответа Гончаровых на его попытку сватовства. В письме к будущей своей теще поэт

*) Черновой набросок. Там же читаем: "Но мысль о смерти неизбежной всегда (лизка) всегда со мной." и т. п.

говорит, что слова родительницы Натальи Николаевны, как бы свели его с ума "в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня — зачем? клянусь вам, не знаю...". Так ли? В Москве была тоска, грусть, неопределенность, но почему же Кавказ? Не следует забывать необычайную подвижность Пушкина, мучительную его "охоту к перемене мест" и присутствие в армии родного брата и друзей декабристов *).

Анализируя факты, можно сказать так: повидать своих, размыкать горе, набраться новых впечатлений и ехал поэт. Он сам, как горная река:

«... Меж горных (стен) несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вдруг огромных скал,
То здесь (то там), дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воеет».

Или, Терек:

«Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной».

Б. Городецкий видит в образе Терека и теснящих его гор прежде всего "политическую остроту образа" и вспоминает строчку черновика:

«Вотще! нет ни пищи ему ни свободы,
Теснят его молча кремнистые своды».

Своды — тюрьмы, свободы — нет... Трудно утверждать такую несколько натянутую аналогию, как сознательную аллегория. Конечно, мысль о Свободе близка душе поэта во все дни его жизни. Трагедия Свободы и борь-

*) Некоторые (напр. А. Бестужев) из декабристов были переведены из Сибири и дослужились опять до чина офицера в армии.

бы, — свободными не рождаются, а делаются, становятся — всегда влечет музу Пушкина. Но не думаю, чтоб эти стихи были зашифрованным выпадом против русского правительства тех лет.

К пребыванию на Кавказе относятся реалистичные и как бы осязаемые картины величественно-дикого царства гор, рек, лесов. "Обвал", "Монастырь на Казбеке", "Шумит кустарник", "Кавказ". Во всех них есть, кроме описания тщеты злых усилий, и краса Божьего мира, "вольной вышины", "соседства с Богом". Об этом монастыре поэт говорит и в прозе — "Путешествие в Арзрум".

* * *

В конце 20-х годов Пушкин известное время увлекался А. Олениной, дочерью директора Публичной библиотеки, председателя Академии Художеств, друга Крылова — Н. А. Оленина. Из цикла стихов, связанного с именем Олениной, особое внимание привлекает к себе "Не пой красавица, при мне" (1828 г.). А. С. Грибоедов привез напев одной грузинской песни, которую обработал М. Глинка. В этом стихотворении, как уже в 1910 г. указывал известный пушкинист Н. Лернер *), строки:

«И степь и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы»

относятся к образу Марии Николаевны урожд. Раевской. Н. Лернер сопоставил эти строки с (сибирской) "далекой пустыней" из посвящения "Полтавы". Воспоминаниями, откликом невозвратимой прелести дней минувших, пронизано дивное по светлой печали от любви и разлуки горящего сердца — "На холмах Грузии . . ."

Это опять нежный образ девушки, полонившей чистые

*) Пушкин. Полян. Собр. Соч. т. IV, под ред. С. А. Венгерова.

мечты поэта еще в 1820 г. *). В первой близко личной редакции все стихотворение было длиннее:

«Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла,
Восходят звезды надо мною.
Мне грустно и легко — печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою —
Тобой, одной тобой — унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.

* * *

Прошли за днями дни. Собрѣлось много лет
«Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья.
Я твой по прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний».

В позднейшей переработке и сокращении сказано не о Кавказе (поэт был в Георгиевске), а о холмах Грузии. Интересно отметить, что М. Волконская (Раевская) поверила В. Вяземской, переславшей стихи в Сибирь, факту отношения их к Н. Гончаровой и кажется даже обиделась. На Пушкина обижаться ей было не за что, а вот Н. Н. Гончаровой так действительно было не легко: стали известны его стихи 1829-30 г.г. к К. Собаньской. Ей поэт писал в 1830 г.: "... Я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь

*) См. варианты: "Я снова юн и твой", "Я твой попрежнему". Самый тот стихов, сходство в нежном обожании с посвящением "Полтавы" и нек. другие факты, делают невозможным отнести стихи к Н. Н. Гончаровой, как сделала это в 1830 г. В. Вяземская.

грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться...“ *).

К графине Собаньской относятся ”Что в имени тебе моем?“ и ”Я вас любил; любовь еще, быть может...“ Понятна легкая холодность и прямое недоверие Н. Н. Гончаровой:

«... Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня».

Особенно плодотворный период творчества поэта был во время его осеннего пребывания в селе Болдино **), которое он получил в подарок от отца. Тут родились такие шедевры, как ”Бесы“ ***), ”Стихи, сочиненные ночью...“ ”Заклинание“, ”Для берегов отчизны дальней“, м. б. ”Признание“ (”В последний раз“...), элегия — ”Безумных лет угасшее веселье“ и многое другое.

*) См. ”Рукою Пушкина“, стр. 179 сл. и ”Лит. насл.“ №№ 16-18 (1934). Там выяснена и роль Собаньской, как польского осведомителя.

**) В бывшей Нижегородской губернии.

***) Начаты в 1829 г.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ .

ОВЫЕ темы и образы теснились в этот последний период жизни в лирику Пушкина. Прав был Б. Мейлах, озаглавив свое исследование "Новый эстетический идеал" *). П. Чаадаев считал, что Пушкин может "принести бесконечную пользу несчастной, сбившейся с пути России". О, если б эту пользу он сейчас принес ей же! Но не на Запад смотрела Муза Пушкина. Он верил в особое предназначение России **).

И он говорит "...Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал". Не всегда, далеко не всегда так думал и чув-

*) См. "Пушкин и его эпоха". М. 1958.

***) В письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. он восторгается русской историей, воздаст должное Петру I, Екатерине II и Александру I.

ствовал создатель *Медного Всадника*. Порою он кипел и негодовал, что именно в России он должен жить с его умом и талантом, это правда бывало, как минутная вспышка, подобная плевку Глинки на Русскую землю. Основное в мыслях, в чувствах, а прежде всего в творчестве — дань и любовь к России, ко всему ее быту и бытийствованию, к великому русскому народу.

Вспоминая о польском восстании 1830 г. лет через пять, наш поэт отделял себя от революционных кругов и лиц типа Герцена, Огарева, Одоевского: "Грустно было слышать, писал поэт, толки московского общества во время последнего польского возмущения. Гадко было видеть бездушного читателя французских газет, улыбающегося при вести о наших неудачах". Мятеж Польши для Пушкина "дело семейственное, старинная наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским...". Отсюда тревога за успехи русского оружия — "*Перед гробницу святой*", и взрыв негодования против французских писак — "Клеветникам России", и напоминание врагам России — "Бородинская годовщина", и полемика с рядом близких друзей о существе русской политики. Пушкин все более уходит в свой поэтический мир. В тридцатые годы он создает ряд подражаний классике древних и пользуется часто гекзаметром: "Царскосельская статуя", "Миг вожденный настал", "С Гомером долго ты беседовал один" и др. Критика его не понимает, читатель не в силах следовать за орлиным полетом возмужавшего гения. В письме к М. Погодину он замечает в 1834 г.: "Охота являться перед публикою, которая вас не понимает". Он пишет много, но печатает "единственно для денег" и сравнительно редко. Но живя в самом себе, притесненный и униженный рядом обстоятельств, Пушкин в черновых набросках к стихам "Пора мой друг, пора" писал: "... Зрелый возраст ужасается своего уединения". Но могла ли, — светская и пустышка в сути своей, — жена дать ему дом и семью? Ко-

нечно, нет. И тут права была поэтесса — Ростопчина, сделавшая прямой намек на выбор поэта:

«Она не поняла поэта!
Но он зачем ее избрал?
Зачем, безумец, в вихре света
Подруги по сердцу искал?»

И она же назвала Наталью Николаевну кумиром мотыльков гостинной и бездушно веселой картиной. Поэт же мечтал о тишине барской жизни, о писательском труде, о книгах, о семейной любви и религии.

В 1836 г. написано "Из Пиндемонте". В этом стихотворении с горечью подведен итог политике революций:

«При звучных именах Равенства и Свободы,
Как будто опьянев, беснуются народы...
Но мало я ценю зазорные права,
От коих не одна вкружится голова».

Поэт жаждет свободы "скитаться здесь и там" дивиться "божественным природы красотам" и произведениям искусства. Люди —

«Жалкий род, достойный слез и смеха!»

Как Барклай де Толли ("Полководец") не был понят, так и гений поэта послушен лишь "велению Божию", стоит выше толпы и выше своего времени. "Самостоянье человека" — в его связи с родиной, с домом, с семейным прошлым в лице предков. Мысли из наброска "*Два чувства равно близки нам*", перекликаются со стихами (1835 г.) о деревне, о семье, о Прошлом в свете Будущего: "Вновь я посетил". В письме к жене 1835 года есть намек, но прозаический, на содержание части этого стихотворения: "В Михайловском нашел я все по старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась во время моего отсутствия, молодая, сосновая

семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу...“ *) Пушкин знал, что за десять лет не только все переменялось, — он не только возмужал, почти постарел, — но и духовно изменился: ”... Сколько перемен, во всем, *начиная с моих собственных мнений*...“ **)

Зато в письме к другу П. Нащокину он уже говорит, что как отец семейства ”смотрит без зависти на молодость, его окружающую“. Совсем, как в стихах ”Здравствуй, племя младое, незнакомое!..“ Пушкин в конце жизни несомненно переходит к классическому равновесию стиха-рассказа. Таков напр., ”Пир Петра Первого“ (1835). Основа этого стихотворения — рассказ Голикова в его Истории ***): ”Петр, простив многих знатных преступников, — пишет он в десятом томе, пригласил их к своему столу и пушечной пальбою праздновал с ними свое примирение...“ Возможно, что печатая это стихотворение в своем журнале ”Современник“, поэт, как бы просил простить декабристов в десятилетие, протекшее со времени злосчастного бунта. Эту мысль о необходимости прощения можно усмотреть еще в ”Стансах“ 1826 г., посвященных Николаю I. — Пушкин в тридцатые годы почувствовал с особой силой факт, отмеченный позднее А. Герценом, — отрыв России национальной, народной от России европеизированной, России интеллигенции и революции.

Достоевский в своей Пушкинской речи первый с особой силой указал на эту сторону в творчестве поэта. Стихи ”Только на проталинах весенних“, ”Как весенней теплой порою...“, ”Сват Иван, как пить мы станем“ (1833) являются чудом проникновения поэта в народный характер,

*) 1835 г. Письмо к П. Осиповой.

**) Ср. в статье 1836 г. ”Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют“.

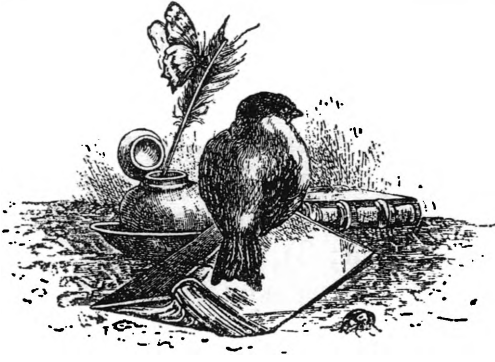
***) См. ”Деяния“ и ”Дополнения“ изд. 1788-1797 г.г. Я пользовался изд. 1837-1843 годов.

в народную душу, усвоением народного сказа и мастерства стиха. Сюда можно отнести и такие стихи, как *"Прибежали в избу дети"* 1828 г., или ранее — *"Зимняя дорога"* (1826) и *"Осень"* (1833 г.). На одном-двух примерах, как раз из вариантов последнего стихотворения, можно видеть ту краткость и силу сосредоточенного выражения чувства-образа, к которым стремится Пушкин: 1) Дорог промерзли колеи; 2) Недавно топкая дорога / Промерзла глыбами; по ней / Гремят копыта лошадей; 3) Промерзла глыбами — прозрачный, хрупкий лед / В глубоких колеях; 4) Промерзла глыбами и тонкий лед стеклом / В глубоких колеях хрустит (трещит) под колесом; 5) Дохнул осенний хлад — дорога промерзает“.

Поэзия для Пушкина была трудом, но ей он посвящал и *"благоговейное служение"* трепещущей и звучащей души, охваченной высоким вдохновением.

Эта строгая к самой себе, отринувшая лишние украшения и побрякушки — прекрасная и уравновешенная поэзия подводила поэта и к его прозе. И тут и там — предельная сжатость, простота и соразмерность. Ничего необычного, крикливого, претенциозного. Но вместе с тем какая гармония и какая обузданность своей собственной мощи! Русская литература единственно в Пушкине, как в своем Солнце, сосредоточила уравновешенную гармонию чувств и их выражений, жар и теплоту лучей и совершенство формы.

”ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР НА КРУГИ СВОЯ“ .

КОГДА мы слушаем музыку Баха, Моцарта, Бетховена, то при всем богатстве и разнообразии ритма, мотивов и т. п., у каждого находим излюбленные, повторяющиеся такты, лейтмотивы, вариации на дорожную, присную тему, мелодию, ”окраску“ и идею. Так и у Пушкина есть излюбленное, присное, повторяющееся.

Автореминисценции, их в шутку называют ”автоплагиатами“, встречаются очень часто и у прозаиков. Порою это сознательное повторение дорогой сердцу мысли, образа, а иногда бессознательное возвращение к тому, что уже однажды сказано. Нередко удачное выражение, счастливая находка нового образа из черновых набросков переносится автором в новое, законченное произведение. Пушкинские автореминисценции не интересуют меня ни их числом, ни вопросом какие были им напечатаны, а какие, по тем или иным причинам, остались в черновиках и неоконченных планах стихов. Просто хочется проследить за током слов, за сцеплением звуков, за формулировкой живой

мысли в образах, в мелодии четкого стиха поэта. Тогда, думается, возможно приблизиться к личности творца, подслушать биение пульса его Музы. Начну с любви. В одной из форм ее — половой влюбленности, — она постоянно сопутствовала лирике беспечного, влюбчивого и ревнивого поэта.

* * *

ЛЮБОВЬ .

Любовь к женщине, к предмету воцелений, тревоги, порождает "волнение сильное в крови" еще с тринадцатилетнего возраста. "Но быстро дни любви и счастья пролетели... Исчезло сладкое навек очарование". "Любови нет боле счастья в мире; Люби — и пой ее на лире". И чуть позднее — "Страстью пылкой утомляйся и за чашей отдыхай". "Везде со мною образ твой, Везде со мною призрак милой". "Дай Бог, чтоб в страстном упоеньи, Ты, с томной сладостью в очах, Из рук Младого Купидона, Вступая в мрачный челн Харона, Уснул... Елены на грудях". "О, Лида! вянут розы минутные любви". "Поверь, одна любовь не сон!" "Иль мне чужда счастливая любовь?" "Любовь одна — веселье жизни хладной! Любовь одна — мучение сердец!" "Любовь, любовь, Внемли моления: Пошли мне вновь свои виденья". "Мне дорого любви моей мученье, Пускай умру, но пусть умру — любя!" "Летите прочь воспоминанья! Засни, несчастная любовь!" "Почему, когда сгораю в неге пламенной любви, Иногда я примечаю Слезы тайные твои?" "Восторги, радости мои! О, Лида, если б умирали С восторгом неги и любви!". "И с тихими тоски слезами Ты вспомни первую любовь". "Пускай Нинета лишь улыбкой Любовь беспечную мою Воспламенит и успокоит!". "Постигло страшное безумие любви, Когда б весь яд ее кипел в твоей крови", "Я хладно пил из чаши сладострастья". "Бессмертные, с каким волнением Жела-

нья, жизни огонь по сердцу пробежал!“ ”... И сладкие тревоги Любви таинственной и шалости молодой“. ”Здорово, рыцари лихие Любви, свободы и вина!“ ”Любовь и вино Нам нужны равно“. ”В ее объятиях я негу пил душой; Восторги быстрые восторгами сменялись; Желанья гасли вдруг и снова разгорались; Я таял“. ”Душа кипит и замирает; Мечта знакомая вокруг меня летает; Я вспомнил прежних лет безумную любовь... Но прежних сердца ран, Глубоких ран любви, ничто не излечило“. ”Нельзя ли найти подруги нежной? Нельзя ли найти любви надежной? И ничего не нахожу“. ”Сегодня я люблю, сегодня счастлив я“. ”В крови горит огонь желанья, Душа тобой уязвлена“. ”Как можно не любить прелестных? Как райских благ не пожелать“. ”И сны любви воспоминал“. ”Но все прошло! Остыла в сердце кровь. Ужасный опыт ненавижу“. ”Как наше сердце своенравно! Томимый вновь, Я умолял тебя недавно Обманывать мою любовь“. ”Простишь ли мне ревнивые мечты, Моей любви безумное волненье? ... Не знаешь ты, как сильно я люблю, Не знаешь ты, как тяжело я страдаю“. ”Близ ложа моего печальная свеча Горит; мои стихи, сливаясь и журча, Текут, ручьи любви текут полны тобою“. ”Нечисто в них воображенье: Не понимает нас оно, И, признак Бога, вдохновенье Для них и чуждо и смешно... Мне стыдно идолов моих... Одна была — пред ней одной Дышал я чистым упоеньем Любви поэзии святой“. ”Болезнь любви в душе моей... И мочи нет сказать желаю Мой ангел, как я вас люблю“. ”Одним страданьем буду сыт, И пусть мне сердце скорбь расколет“. ”Душе настало Пробужденье: И вот опять явилась ты, Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты“. ”Так иногда разлуки час Живее самого свиданья“. ”Печаль моя полна тобою, Тобой, одной тобой... Унынья моего ничто не мучит не тревожит, И сердце вновь горит и любит — оттого, что не любить оно не может“. ”Исполнились мои желанья. Творец Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна.

Чистейшей прелести чистейший образец“. ”И, может быть, на мой закат печальной Блеснет любовь улыбкою прощальной“. ”В последний раз твой образ милой Дерзая мысленно ласкать“. ”Где муки, где любовь? . . . Не найду ни слез ни пени“. ”Хочу сказать, что все люблю я, — что все я твой. Сюда, сюда!“ *)). ”Твоя краса, твои страдания Исчезли в урне гробовой. — Исчез и поцелуй свиданья . . . Но жду его: он за тобой! . . .“. ”Вдруг остановишься невольно, Благоговей богомольно Перед святыней красоты“. ”И разгораешься потом все боле, боле — И делишь, наконец, мой пламень поневоле“ **). ”Уж он влюблен, уж он горит“. ”Нет, нет, не должен я, не смею, не могу Волнениям любви ***) безумно предаваться!“ . ”И все бы слушал этот лепет, Все б эти ножки целовал ****)“. ”Каков я прежде был, таков и ныне я: беспечный, влюбчивый . . .“. ”На свете счастья нет, а есть покой и воля“.

* * *

ЛЕНЬ .

О лени — когда отдых есть собиранье сил, или уход в себя; о лени — праздности, о лени — бесчувствия у Пушкина, мы говорили ранее. Теперь, на протяжении ряда лет молодого и входящего в зрелость поэта, послушаем журчанье стихов о сем пороке и сладостном наслаждении бытия. И в близком друге — А. Соболевском ведь любил Пушкин и лень, и гурманство, и книголюбие. Проф. Галич, поэт Дельвиг — ”ленивцы“! ”Дай руку, Дельвиг! Что ты спишь? Проснись ленивец сонный“. ”Блажен, кто веселится В покое, без забот . . . Никто никто ему Лениться

*) К. А. Рязнич. 1830 г.

**) Этот стих жене. 1832 г.

***) А этот — Н. А. Соллогуб. 1832 г.

****) А. Олениной — 1833 г.

одному В постели не мешает“. ”И в час безмолвной ночи
 Когда ленивый мак Покроет томны очи“. ”Меж лени и
 Морфея Беспечный дух лелея Еще хоть год один Позволь
 мне полениться И негой насладиться“. ”И память прошлых
 красных дней, Окованных счастливой ленью“. ”В нашем
 темном уголке, С Вакхом нежились лениво“. ”Теперь, ко-
 гда в покое лень, Укрыв меня в пустыню сень Своею це-
 пью чувства вяжет“. ”Рукой беспечной и ленивой *) Раз-
 бросив рифмы здесь и там“. ”Тебя зову, мудрец ленивой,
 В приют поэзии счастливой . . . Тебя зовут: и сон ленивый,
 И друг“. ” Так в зимний вечер сладкий сон Приходит в
 мирны сени, Венчанный маком и склонен На посох томной
 лени“. ”Где ты, ленивец мой, Любовник наслажденья?“.
 ”Что ленью жертвую стихам“. ”Поди, кричи, брани дру-
 гого, И брось ленивца молодого“. ”Здесь Пушкин погреб-
 бен. Он с музой молодою, С любовью, леностью провел
 веселый век“. ”Окован ленью томной, Покоится с тобой“.
 ”Приди, о лень, приди в мою пустыню!“ ”Лишь, судьбе
 своей послушный, Счастливой лени верный сын“. ”Вы,
 мирной праздности друзья, Шепну вам на-ухо: Вы пра-
 вы . . . Дурачества — для всех, а нам — Уединенье и
 свободу“.

”Один лишь ты с глубокой ленью К трудам охоту со-
 читал“. ”Свежий выпросим венки, Лишний миг у верной
 лени“. ”А я — повеса вечно праздный“. ”Зови же сладкое
 безделье, И легкокрылую любовь“. ”Он гонит лени сон
 угрюмый, К трудам рождает жар во мне“. ”Дни делит меж
 трудов и лени“. ”Лука, измятые моей бродящей ленью“.
 ”К ним лень еще прибавлю, Лень с ними заодно; Любовь
 я с нею славлю“. ”Ну, так! Я празден, я без дела; А ты —
 бездельник деловой“. ”Забот и дум слагая груз, Тогда ле-
 нюсь я веселее“. ”Тебя **) я посвятил Занятиям досуга И

*) Ср. 1828 г. ”Утопленник“, ”И ленивою рукою подымает он окно“, через
 тринадцать лет!

**) Чернильницу.

с ленью примирил; Она твоя подруга!“ . ”Но здесь, на лоне лени“. ”И тягостная лень душою овладела“. ”Я знал досуг — беспечных муз удел, И наслажденье ленью сонной“. ”... Ни тучной праздности ленивые морщины... Не обличали в нем изгнанного героя“. ”Зачем я покидал безвестной жизни тень, Свободу и друзей, и сладостную лень? Зачем от жизни сей, ленивой и простой, Я кинулся туда... “. ”Я вижу в праздности, в неистовых пирах, В безумстве гибельной свободы, В неволе, в бедности, в чужих степях Мои утраченные годы“. ”Но как же лобо мне Осеннею порой, в вечерней тишине. В деревне посещать кладбище родовое, Где дремлют мертвые в торжественном покое“ .

* * *

СМЕРТЬ

“Суета сует, сказал Екклезиаст, суета сует, — все суета ! . . Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки . . . Познал я, что нет для них ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей“ *). ”Все бо исчезаем, все умрем, цари же и князи, судьи и насильницы, богатые и убогие, и все естество человеческое : . . егда мир приобретаем, тогда во гроб вселимся“ **) . . . — ”Ни на солнце, ни на Смерть нельзя смотреть пристально“ — Сказал, философ и остро слов XVII века, Лярошфуюко.

Смерть своей косою ”дни мои, как злак сечет . . . На то, чтоб умереть — родимся“ !, — возопил Державин. Но вот, романтик Боратынский не называет смерть ”дщерью Тьмы . . . в ее руке олива мира, а не губящая коса“. ”Смерть — переход в мир иной“, — говорит русский крупнейший философ. Что такое это свершение всего рожденного?

*) Библия. Еккл. I, 3.

**) Из Чина погребения — Афон.

Смерть есть конец жизни, остановка кровообращения, прекращение обмена веществ в живой субстанции, отсутствие жизнедеятельности организма. Так говорит позитивная наука наших дней. Новый Завет говорит о двух смертях, о смерти телесной и о возможной смерти духовной. Что же мерило жизни? Что есть жизнь человеческая, великих и малых, на земле? В некрологе одному большому поэту и писателю я сказал так: — "Мерило есть. Мерило жизнь человеческую не слава, не мудрость, но мера любви в потаенном сердце человека . . ." Великую меру Любви к миру, человеку и Богу имел и наш Пушкин.

* * *

В творчестве Пушкина, преимущественно в лирике и лирических отступлениях *), я нахожу четыре лика Смерти. Первый, это — пресечение нити жизни Паркой, Судьбой; уход в небытие угасшего сознания — духа; кратко — возврат индивидуума в круговорот мертвой материи. "Могильная ночь", "безумство ужаса" **), покой — "в пустыне гробовой". Печаль без утешения, тоска без слез умиления. Второй лик — фантом, колеблющийся призрак, призрачное бытие духов, посещающих, быть может, бывшие места жизни телесной да бывших друзей . . . Третий — восторг перед смертельной опасностью, краткий и острый, пронзительный, как холод вдохновенья. Это экстаз предощущения, дуновение мира иного, тяга за черту земного — "Все, все, что гибелью грозит Для сердца смертного таит Незыбсьясны наслажденья, — бессмертья, может быть, залог! И счастлив тот, кто средь волненья Их обретать и ведать мог" ***). И четвертый лик, лик меры

*) Напр., в "Евгении Онегине" о душе Ленского: "А где, Бог весть, пропал и след".

***) Стихотворение "Безверие".

***) Песня Председателя из "Пир во время чумы".

и покоя: "Свершилось, прощайте, друзья мои"; прими-
ряюсь, примиримся! Вхожу смиренно в тайнство Смерти.
Тайна... Не ведаю... не знаю... Смиряюсь. Надеюсь.
Верю... Но "пусть у гробового входа младая будет жизнь
играть..."

* * *

«... В долину выбежит мой конь!.. *)
Но для певца никто не дышит,
Его настигнет тишина;
Эльвина смерти весть услышит,
И не вздохнет о том она»...

* * *

«Играйте, пойте, о друзья! **)
Утратьте вечер скоротечный:
И вашей радости беспечной
Свзвонь слезы улыбнуса я».

* * *

«И смерти мысль мила душе моей ***).
Во цвете лет, свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал...»

* * *

«Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?... ****)
И все умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремление,
Воспоминание и брата и друзей...»

* * *

«Вы нас уверили, поэты *****),
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной...
Но, может быть, мечты пустые —
Быть-может, с ризой гробовой

*) "Наездники" (1816?).

***) "Друзьям".

****) "Мне бой знаком" (1820 г.)

*****) Война (1821 г.).

*****) "Люблю ваш сумрак".

Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть-может, там, где все блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя . . . »

* * *

«Я скоро весь умру. Но тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!» *)

* * *

« . . . Свершилось, куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет» **)

* * *

Она томилась, увядала . . .
Увела, наконец, и, верно, надо мной
Младая тень уже летала . . . » ***)

* * *

« . . . О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!
Явись возлюбленная тень . . . » *****)

* * *

«Мне время тлеть, тебе цвести.
И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать».

* * *

« . . . Парки, бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня —
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?

*) Андрей Шенье.

**) Клеопатра.

***) Элегия (на смерть А. Ризничь) 1826 г.

*****) Болдино 1830 г. — А. Ризничь. "Закливание".

Ужоризну или ропот
Мной утраченного дня ? .. » *)

* * *

«О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой —
Явись: вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!» **)

Здесь то же слово "явись" — призыв-заклинание до-
грой тени, как и в "Заклинании":

«Напрасно я бегу к Сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам» ***)

* * *

«Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я в моей кончине ? ..
Успокой меня, Творец!
Но твоя да будет воля,
Не моя . . . Кто там идет . . . » ****)

* * *

«Нет! весь я не умру! Душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит . . . » *****)

* * *

«Ничтожество! печальный мрак,
Отчаянья приют ужасный
Ты чуждо мне . . .
Ничтожество! пустой призрак,
Не алчу твоего покрова.
Ты чуждо сердцу моему,
Бессмертной мысли человека . . . » *****)

*) 1830 г. Болдино. "Стихи, сочиненные во время бессонницы".

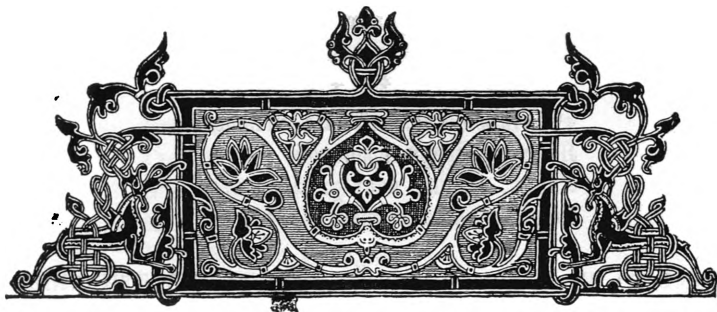
**) 1831 г. "К тени полководца" (Кутузова). В них поэт просит спасти сперва царя, а потом и "нас".

***) 1833 г.

****) Варианты из "Родриг", вероятно около 1833 г.

*****) Здесь поэт думает о земном "бессмертии" своей славы в 1836 г. — "Я памятник себе воздвиг нерукотворный".

*****) 1822-1823 г.г.

Глава IX.

О НЕКОТОРЫХ ЛИРИЧЕСКИХ ШЕДЕВРАХ.

КАЖДОЕ замечательное лирическое стихотворение можно разбирать и расценивать с разных точек зрения. В своих лекциях по истории русской литературы *) я подчеркивал свое понимание задач литературоведа. В последней главе этой моей работы сделана попытка сжатого комментария и анализа мысли и значения образов в следующих стихотворениях: "Анчар", "Арион", "Песнь о Вещем Олеге", "Клеветникам России", "К А. Керн", "Заклинание" и "Воспоминание **). С моей точки зрения все эти стихотворения связаны чем-то присно-общим: 1) Власть державная; 2) Власть Прошлого: *Los Muertos mandan* ***); 3) Власть, таинственно-неодолимая, Власть Красоты; 4) Сюда же отнесена власть Судьбы, власть Предреченного, власть прорицания.

*) См. изд. 1959 г. Торонто.

**) Особо разобраны три стихотворения, как переключка образов. См. № 7.

***) Слова Бласко Ибаньеса и заглавие его романа, значащее — "Мертвые повелевают"

Одни из стихотворений анализированы полнее, другие — короче. Здесь я следую своим убеждениям, своему вкусу и тому, что, по моему, стихотворения значили и значат, как для современников поэта, так и для нас. Нет настоящей истории литературы без аксиологии и эстетической оценки. При разборе "Клеветникам России" я использовал и исключительно близкую мне по духу работу покойного моего учителя-академика В. А. Францева. В других случаях я не считаю нужным загромождать изложение своих мыслей множеством ссылок, цитат и полемики. В предшествующих главах можно найти основную литературу. Люди знающие труды Измайлова, Томашевского, Цявловского, Лернера, Благого и др., легко увидят в чем я следую за ними, а в чем отличие моего взгляда: "Si duo faciunt idem, non est idem", а не то что целый полк делателей на одной ниве! Вопрос же — насколько ценно, интересно и справедливо мое — не я решаю.

* * *

1.

Анчар (Древо яда) 1828 г.

Есть особые стихотворения у Пушкина, они связаны с самыми глубинными слоями его души. Чем больше в них вчитываешься, тем все значительнее они кажутся, перерастая свою лирическую тему, они перекликаются с отдаленными по теме и одновременными произведениями поэта. Таков "Анчар". Это поистине, по-правде трагические стихи, говорящие о силе власти и трагически печальной покорности раба, подданного. Стихи повествуют о жертве ради государственной мощи. Что такое Власть и Государство? "Всяка душа властем придержащим да повинуется. Несть бо власти, аще не от Бога . . ." Где же предел служения ей? Не воспротивился ли и сам автор

цитаты *) и строк о том, что "несть власти аще не от Бога, сущие же власти от Бога сотворены суть", тем же римским безбожным властям и не принял ли казни мечом от них же? Где грань между должным и невозможным в служении Государству? Где предел, граница между рабьей послушностью и гордой изменой непокорного ради своей, личной правды и права? Курбский, или Иоанн, Шибанов, или Бестужев? Петр I, или Евгений? Не был ли Пушкин всю свою жизнь рыцарем далекой, но прекрасной дамы — Свободы? А за нее надо бороться и побеждать... Биться и не уставать в борении! Не здесь ли святая святых политических и национальных дум поэта? Да, зрелый Пушкин большой патриот, государственник, христианин и православный. Главное зло греха Истории — в безумствах гордыни, в соблазнах силы, в притягательности насилия. Герой, к которому не раз обращается муза поэта — Петр Великий. Пушкин знал очень многое о жестокости Самодержца, об умучении царевича Алексея, о законах "писанных кнутом", а не пером. И все же Петр Первый его избранник, что по христиански и "с подданным мирится виноватому вину отпуская веселится". В Петре I мало суетной гордыни. У Петра была одна величайшая любовь — Россия. Ее будущему он приносил все жертвы и сам жертвовал своею жизнью. Петр имел то самоотвержение, каковое есть антипод гордыни самолюбия. Петр же, как и Пушкин был человеком искренно верующим **). Он — слуга России до последнего вздоха. Ряд черт Петра I поэт, порою, видел и в Николае Первом "Суровом и могучем царе" России! Служить России, памятуя, что выше России один Бог, был и завет Николая Первого.

* * *

*) Апостол Павел.

***) Петр. поучая своей дубинкой В. Татищева, приговаривал: Не "соблазняяй верующих чистых душ; не заводи вольнодумства"... Петр же своеручно соорудил и иконостас для Собора в г. Архангельске.

Стихотворение "Анчар" делится на три неравные, но четко отделенные части. В первой дано описание "древа смерти", "древа яда"; во второй владыка одним взглядом посылает послушного раба за ядом; слуга приносит "смертную смолу" и ветвь, и умирает у ног владыки. Концовка:

«А царь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы».

В концовке, словно произнесенной одним дыханием, нет знаков препинания. Хорошая декламация "Анчара" оставляет впечатление почти не отразимое. Напомню, что Тургенев в "Затишье" использовал чтение "Анчара", как прямой толчок к самоубийству героини. В "Анчаре" есть таинственная власть. Смерть и Пустыня зачали его: Пустыня "его в день гнева породила". Кругом песок. Ни деревца, ни кустика. Пышет жаром раскаленная земля, и горит жаром и острым безжалостным блеском небосвод. Одинокое "как грозный часовой" стоит древо смерти. Никто и ничто не смеет к нему приблизиться. Кажется, сам черный смерч — вихрь Пустыни, боится его тлетворного, смертельного дыхания. Откуда у Пушкина это зерно в плодоносном, но северном поле творчества, зерно южного растения?

В XVIII веке некий Ф. Фурш (Foersch), голландец по происхождению, написал очерк о Яванском ядовитом дереве. Это дерево, по его словам, было столь ядовитым, что и на 6 верст все было им кругом отравлено и убито. Слугам, посланным за его ядовитыми листьями и смолой, было приказано идти по ветру, чтоб не отравиться испарениями древа смерти. Этот рассказ был в конце XVIII века переведен и перепечатан в английском журнале *).

*) См. подробнее в статье Д. Благой "Анчар древо яда" "Литература и действительность". Москва, 1959, стр. 335 сл.

Пушкин использовал и мысль о нужном для войны яде на основании того же Фурша. Но из прозаического, преувеличенного повествования, голландского путешественника по Индонезии он создал свой фантастическо-реальный образ древа яда, бедного раба и всемогущего владыки.

* * *

2.

Арион 1827 г. июль.

Древнегреческого поэт не знал. Латынь читал не очень свободно и предпочитал французские переводы древних, их оригиналам. "Тристих" Овидия читал главным образом во французском переводе. Но все же Пушкин получил классическое образование. К концу жизни он возвращается "на круги" своей юности — все более звучит белый стих, то гекзаметр, то подражание пентаметрам древних. Имена — Гомер, Анакреон, Гораций, Сенека, Овидий, Вергилий, ему близки. Знаменитый "Памятник" навеян лишь частично Державиным, в основном это "Eregi monumentum aere perennius". Чувство меры и гармонии у древних привлекало, восхищало ум и эстетическую чуткость нашего классика. Сам Парни, а главное Шенье — учителя юноши Пушкина — связаны тесно с классиками древности. Любимый поэт — Батюшков — во многом в долгу у классиков. Отсюда у Пушкина и множество откликов на классическую древность будь то "гроб Анакреона", "Вакхическая песня", "Торжество Вакха", или "Слышу умолкнувший звук", и "С Гомером долго ты беседовал один". Не мало у поэта в стихах и прозе и латинских цитат типа "ex ungue leonem".

Но кто же был Арион? Из французской антологии древних поэтов и рассказов своих профессоров Пушкин

знал приблизительно следующее: Арион был поэт-кифарист *), лирик из Мефимны на Лесбосе. Жил он лет пятьдесят и умер около 580 года до Рождества Христова. Был приятелем Периандра Коринфского тирана, и изобрел дифирамб.

Греческая литература знает в сущности не одного, а двух полупоэтических Арионов. Второй — порождение Посейдона и Деметры — быстроногий конь. Пушкин, конечно, говорит о поэте. С именем Ариона Лесбосского связана и легенда о его чудесном спасении, после пения, в волнах моря. Спас-де его дельфин, очарованный песней кифариста, которого хотели убить разбойники-моряки, но согласились разрешить ему спеть последнюю "прощальную песню".

По легенде Арион прыгнул в море во всей своей одежде и украшениях. Здесь, м. б., у Пушкина явилась мысль упомянуть "влажную ризу". В отличие от легендарного Ариона, поэта на судне окружают друзья, а в волны его сбрасывает шумный вихорь. Стихотворение "Арион" несомненно связано с годовщиной бунта декабристов и представляет собою ясную аллегорию на гибель друзей — годовщина смерти как раз и была в июле 1827 года. В беседе с Николаем Первым, говорят, поэт искренне признал, что "был бы в рядах мятежников", т. е. с декабристами, если бы находился во время восстания в Петербурге. В своей аллегории поэт подчеркивает принадлежность к пловцам — "нас было много на челне", и говорит о своем пении — т. е. о революционных, или свободолюбивых стихах. Никакого дельфина-спасителя нет — "На берег выброшен грозою", но есть ясная связь с певцом древности в чудесном спасении из бушующих волн моря.

По ткани мифа вышит свой узор, дана своя аллегория,

*) Кифара — струнный музыкальный инструмент древних, более нежного, чем лира звука. Была 4, 7 и 9 струнной.

однако иносказание поэта имеет прямое отношение к мифу о певце из Мефимны.

Мне думается будет очень интересным делом сравнение "Ариона" и, спустя чуть не сто лет написанного стихотворения С. Есенина "Русь Советская". Пушкин в "Арионе" почти сверхличен. Нет тоски, не говорится о лично болезненных чувствах. Замечательно яркие слова о вихре на море: "Вдруг лоно волн измял с налету вихорь шумный"; вся гибкость упругих рифм, как катящиеся тела валов — "челн, полн, лоно волн", прекрасна! После бури выглянуло солнце, как и позже в стихах "Последняя туча рассеянной бури". Политические намеки очень затупшеваны. "Наш кормщик умный", вероятно, — Павел Пестель *). Пушкин в письме-заметке говорит о своей встрече с Пестелем и об его выдающемся уме.

Стихотворение не показывает еще глубокого разочарования в способах, средствах и замыслах насильственного переворота.

Стихи Есенина все пропитаны щемящей грустью обожженного революцией сердца, ума оглушенного грохотом и шумом событий. "Русь Советская" все о нем самом, об Есенине, о печали, да немного упрек себе же и вера в будущее нового. С. А. Есенин обрабатывал довольно долго эти стихи, так, напр., образ мельницы стоящей, как старая однокрылая птица закрывшая глаза, перерабатывался и дополнялся. Звук, мелодика стиха, насыщены минором; тон лирический, печаль обостренная; слышны сдерживаемые слезы. Был в деревне, в своей деревне, а ужé всем чужой — чужанин. За восемь лет столько перемен! Встречает людей. Как будто знакомы? Нет, — "некому мне шляпой поклониться, ни в чьих глазах не нахожу

*) Один из вождей декабристов — 1793-1826, глава "Южного О-ва". Автор Русской Правды, республиканец, настаивавший на отдаче Польше и русских губерний. Арестован перед восстанием и повешен вместе с четырьмя другими из отчаянных главарей восстания

приют“. Осиротел край, осиротел и путник вернувшийся к обугленным и пыльным остаткам отчего дома. И среди увещаний разума больно раненого сердца, опять же, возврат к себе — ”Уже ты стал немного отцветать“.

АРИОН — Пушкин

«Нас было мно^{го} на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
Вглубь мощны веслы. В тишине,
На рудь склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я, — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозною.
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою».

Много

РУСЬ СОВЕТСКАЯ — Есенин.

«Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На переключке дружбы многих нет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет;
* * *
Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница — бревенчатая птица
С крылом единственным — стоит, глаза смежив.
* * *
Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли;
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли
* * *

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться.
Ни в чьих глазах не нахожу приют.

* * *

И в голове моей проходят роем думы:
Что Родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны.

* * *

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет знаменито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

* * *

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь, это только новый свет горит
Другого поколения у хижин.
Уже ты стал немного отцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней —
Уж не село, а вся земля им мать . . . »

* * *

3.

Песнь о Вещем Олеге . 1822 г.

Пушкин написал этот шедевр под влиянием чтения летописного отрывка в первом томе "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина. Я позволю себе привести текст Лаврентьевской (Несторовой Летописи), вдохновившей поэта. Даже "щит на вратах Царьграда и кудесники — волхвы взяты поэтом из Летописи *). "В лето 6420 . . .

*) Ср. 6415 г. — 907 г. "И повеси щит свой в вратах показуя победу, и поиде от Царьграда".

И живяше Олег мир имеа ко всем странам, княжа в Киеве. И приспе осень, и помяну Олег конь свой, иже бе поставил кормити и не вседати на нь. Бе бо въпрашал волхвовъ и кудесник: "От чего ми есть умрети?" И рече ему кудесник один: "Княже! Конь, его же любиши и ездиси на нем, от того ти умрети". Олегъ же приим въ уме, си рече: "Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того". И повеле кормити и *) и не водите его к нему, и пребы неколико лет не виде его, дондеже на греки иде. И пришедшу ему Киеву и пребывышю 4 лета, на пятое лето помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: "Где есть конь мый, его же бехъ поставил кормити и блюсти его?" Он же рече: "Умерлъ есть". Олег же посмеася и укори кудесника, река: "То ти неправо глаголють волсви, но все то лъжа есть: конь умерлъ есть, а я жив". И повеле оседлати конь: "А то вижю **) кости его". И прииде на место, идеже беша лежаще кости его голы и лобъ голъ ***), и сседе с коня, и посмеася рече: "Отъ сего ли лба смърть было взяти мне?" И вступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну ****) в ногу. И с того разболеся и умре. И плакапаса людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горе, еже глаголется Щековица . . . " *****).

Пушкин в основном вполне следует за летописью в своих стихах. Но как гений-прозорливец, как художник-мастер уже в ранней молодости, он видит Прошлое. Мы следуем за зорким оком поэта и видим и могучего норманна на любимом коне, мы знаем и за что его так любит князь — "То смирно стоит под стрелами врагов, То мчитя по бранному полю. И холод и сеча ему ничего . . ." Мы

*) Старосл. винит. падеж — его.

**) Хочу увидеть его кости.

***) Череп.

****) Уклюнути — ужалить, укусить.

*****) Эта же повесть, м. б. в менее художественной редакции находится в норманском эпосе.

слышим более пространно-яркое приказание позаботиться о коне: "Купайте; кормите отборным зерном; Водой ключевою поите". Сила и мощь Олега всюду подчеркнуты повторением эпитета "Могучий". Змея не простая — "гробовая", она выползает "шипя". И т. д. звук, цвет, движение повести Летописца усилены, сделаны ощутимо конкретными. Все это так. Но кроме яркости и пластичности в "Песне о Вещем Олеге" есть и особая пронзающая чуткое к истории сердце грусть. Генерал де Голль прекрасно выразил это чувство, заметив в своих мемуарах, что всякая встреча с Госпожей Историей на ее путях таит в себе большую печаль. Печаль эта, мне думается, не только от того, что Суровая Госпожа Железного лица — История, беспощадна к ошибкам и уничтожает слабых. Это одно, это правда! Но есть еще во встречах с Историей, как Прошлым, грусть, тоска по необратимой преходящести всего земного: "Река времен в своем стремленьи уносит все дела людей . . ." *). Власть Прошлого, овладев бессмертной душою человека, тягостна. Прошлое замерло и глядит на нас, прямо в наши глаза уже незрячими отверстыми очами. Душа же человеческая тоскует по бессмертию и душа всякого большого искусства — стремление к продлению, к повторению неповторимого, исчезающего — Прошлого. Вслушайтесь же в грустный звон строк о друге забытом, о верном, благородном коне героя:

«И видят — на холме **), у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль,
Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий! . . .»

И грезится читателю: холм, текущая, вечно уходя-

*) Г. Р. Державин.

***) См. в Летописи — гора Щековица; в действительности у Днепра нет гор, а холмы.

пая в даль река; волнуется степная трава — белогривый ковыль, белеют кости. Обилие высокого грустного тона "и" под ударением увеличивает печаль, словно и ковыль, и дожди, и Олег, и все они плачут. Поминки минувших дней кончаются поминками Олега *). Могуц, велик, славен, удачлив, был он, Вещий Олег, но Судьба всеильна в Истории. Судьба обручена на веки именно с ней, с Историей. От Судьбы не уйти! "Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божья не минути". Кто владеет Прошлым? Кто управляет и нами и теми, что придут за нами? — Судьба.

Ананке, Мойра у греков, Фатум у римлян, К'смет у арабов, Усуд, Судьба, Рок у славян. Не будучи чисто детерминистическими **) представлениями, не лишая вполне, а лишь ^{частично} человека *свободы воли*, эти понятия и чувства-представления, живы и действены. Наш старший современник философ Истории Освальд Шпенглер писал в книге "Закат Европы", что каждый высокоразвитый язык имеет известное количество слов, которые как бы окружены глубокой таинственностью: Судьба, Судьбина, Сужденное, Талан-Доля, Случайность, Призвание и т. д. И ни какая наука, ни гипотеза не может коснуться того, что чувствуется, если мы утонем, погрузимся в самый звук и смысл этих слов. Это — символы, а не понятия. Идея, помысел о Судьбе, ищет, требует нечто живое в опыте, а не подсчет, не анализ, но мощь внутреннего зрения, умения проникновенного созерцания... Причинность, каузальность есть нечто законно эмпирическое, определимое. *Судьба* же есть слово для внутренней, психической известности, более и менее, чем знание, — это сверх=знание, сознавание, которое описать нельзя; и мы соучаствуем в Идее Судьбы лишь художественным творчеством ***).

*) Тени Олега поэт вернулся еще раз в 1829 г. в стихах "Олегов щит".

**) Т. е., в философском смысле, где детерминизм отрицает свободу воли.

***) Т. I, 2 изд. 1922 г. немецкий оригинал. Даю свой перевод-пересказ.

4.

Клеветникам России . 1831 г.

“Бунт и революция мне никогда не нравились“

А. С. Пушкин.

Среди патриотическо-родолюбивых стихотворений нашего поэта “Клеветникам России“ и “Бородинская годовщина“ вызвали сразу особый отклик в разных слоях русского общества и громкое эхо в среде славян. Сами друзья Пушкина разделились на два лагеря “за и против“. Русские, польские, украинские, чешские, словацкие ученые и поэты дали свои отзывы и комментарии к стихотворениям. При издании новооткрытых уже после революции писем Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово (дочери М. И. Кутузова) М. Беляев и Б. Томашевский говорили об этих стихах в пространных статьях; и, наконец, в Пражском “Пушкинском Сборнике“ 1929 г. вышел труд В. Францева: “Пушкин и польское восстание 1830-1831 г.г.“. Это — целая монография в сто четыре страницы с исключительно подробной литературой вопроса. А ранее этими стихотворениями занимались и А. Пыпин, и И. Третьяк, и В. Спасович *), и С. Тарновский, и В. Ледницкий, и В. Семевский и другие. Некоторые из современников считали стихи поэта “огромным пятном в его поэтической славе“, полагали, что он в стихах говорит “нелепости и еще против совести и более всего без пользы“ — (это слова П. Вяземского!). А. Тургенев считал, что Пушкин “для

*) В. Спасович в своей речи и статье был несколько двуязычен: в польском тексте много упреков Пушкину, которые сознательно опущены в русском. И. Третьяк писал в 1906 г., что Пушкин “желая заглушить в себе либерализм... силится ныне опьянить, одурманить себя патриотическим гневом“. Ср. В. Францев, *op. cit* страница 56.

поэзии не хочет выходить из своего варварства“. Н. Муханов обвинял в своем дневнике Пушкина в ”квасном патриотизме“ и т. д. Ф. Тютчев в стихах восклицает:

«Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!..
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой...»

А. Хомяков, еще до подавления восстания, говорит так:

«... Да будут прокляты сраженья,
Одноплеменных раздор
И перешедший в поколенья
Вражды бессмысленный позор...»

Поэт Артемовский-Гулак воспевал графа Паскевича:

«Вже Хведоровыч *) наш з их выдавыв весь жир,
Вже, каже, й могорыч в Варшави запывалы».

Противники же Пушкина распространяли злую эпиграмму:

«... Прежде вольность проповедал,
Царей с народом звал на суд,
Но только царских шей отведал —
И стал придворный лизоблюд».

М. Бакунин **) писал: "...Стихи (Пушкина) прелестны, не правда ли?.. Они полны огня и истинного патриотизма, вот каковы должны быть чувства русского!"

Стихи Пушкина ("Клеветникам России" и "Бородин-

*) Граф Паскевич Эриванский, Иван Федорович (1782-1856).

**) Михаил Александрович Бакунин (1814-1876), позднее анархист и революционер.

ская годовщина“) были напечатаны в одном сборничке с патриотическими стихами В. Жуковского *). Два друга бывший либерал и консерватор, встретились обнявшись на поле патриотической поэзии. Декабрист Бестужев писал пятого января 1831 г.: ”Как жаль, что мне не удастся променять пуль . . . с панами добродзеями“.

М. Лермонтов, тогда студент в Москве, подражая Пушкину писал:

«Опять народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России
Опять, шумя, восстали вы!
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена».

Стихи ”Клеветникам России“ вылились из взволнованного и негодующего сердца. Жалобно направлено прежде всего против парламентских болтунов Франции и вообще западной печати, тогда обливавшей грязью и желчью Россию и ее правительство. Не смотря на кажущийся ”лирический беспорядок“ в этом произведении Пушкина легко заметить три главные мысли поэта:

1)

«О чем шумите вы, народные витии? **)
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,

*) П. Вяземский жестоко раскритиковал ”шипельные стихи“ автора Светланы. Они были напечатаны в Сборнике ”На взятие Варшавы“ 1831 г.

**) Слово древнее, Витии — ретор, находим его уже в XIII веке. — Вѣтии. — Витий. — Витийство — красноречие в Сборнике житий XIII в. Баратынский и Пушкин употребляют его в поэзии.

2) Часть историческо-повествовательная:

«Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозой
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Бичливый лях, иль верный росс?
Славянские ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос».

Как продолжение той же историософской мысли идет и строфа со стихами:

«... Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас».

3) Часть — вызов пустомелям и крикунам Запада:

«Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново? ..»

и т. д.

Для объяснения негодования и тревоги первой строфы следует привести хотя бы следующие факты. Поэт скорбел о первоначальных жестоких неудачах медлителя-Дибича в его войне с польскими повстанцами. "Перед гробницею святой" — молитва и заклинание тени Кутузова спасти опять Россию и указать достойного вождя для армии. Пушкин искренно тогда боялся новой войны с Францией из-за Польши. Поэт считал одно время, что "можно было утратить бодрость" *). По разным городам Фран-

*) Письмо к дочери М. Кутузова.

ции, Англии и Бельгии происходили большие манифестации в пользу восставших в 1830 г. поляков. Лафайет говорил о русском "деспотизме и привилегиях". В январе 1831 г. депутат Могэн (Mauguin) предупреждал Францию: "Россия начнет марш на Францию; только Польша ее останавливает... Мы должны ей помочь". Депутат Клозель требовал поддержки героической Польши; депутат Лараби утверждал, что русские "варварские орды" проникнут во Францию заноса в нее холеру. Он требовал посылки войск морем в Литву. Пушкин читая *Le Temps*, *Le Globe* и *Journal des Débats* знал эти и многие другие выпады парламентариев и печати против России, особенно генерала Лафайета и Одилон-Барро. Поэту вероятно стало известно, что после падения Варшавы толпы наводнили улицы Парижа с криками "виват Польша, долой Россию". Массы ожесточенных парижан выбили из протеста камнями окна в своем министерстве иностранных дел. Во Францию, Англию, Швейцарию, Бельгию, Норвегию и США возникли комитеты помощи польской эмиграции, польской армии. Известные немецкие писатели и поэты — Платен, Вейсс, Ленау, Уланд, Мальтитц и др., воспевали подвиги поляков. Из этих их творений были позднее составлены "два объемистых тома" сочинений! Л. Берне *) писал о поляках так:

"Дрожу за судьбу поляков и подготовлен ко всему... С третьего дня я не нахожу сил для писания. Я не мог ни читать, ни думать, не мог даже ни плакать, ни молиться; я способен был только проклинать...".

Мадыарские депутаты "требовали оказания немедленной помощи Польше". Беранже **) в "*Hâtons nous*" и "*Roniatowski*" обрушился на русских и их царя. Это все и вызвало взрыв презрительного гнева на витий Запада. Пушкин отлично знал, что, хотя польская шляхта и вообще

*) Известный немецкий писатель тридцатых годов XIX века.

**) Известный поэт-демократ (1780- 1857).

восставшие и обращались к русским с девизом "За нашу и вашу свободу", польские повстанцы требовали Польшу в границах 1772 года с *Белоруссией, Подолем, Волынью* и *Литвою*. Пушкин назвал поляков — "Кичливый Лях". Но вспомним, что шляхтичи уже теснимые, разбитые на полях сражений, и тут же у Варшавы, приглашенные графом Паскевичем для переговоров о прекращении кровопролития с условием сохранения польской конституции, и не думали о разумном окончании бунта. Даже польский историк А. Соколовский *) говорит, что ответ повстанцев был гордо отрицательный: Поляки-де взяли за оружие с целью завоевания независимости в границах, некогда отделявших их от России **). Польский поэт Р. Суходольский ***) в стихах "Полонез Костюшки" несколько ранее заявлял:

«Кто мне скажет, что Москали
Это братья нас Ляхитов,
Тотчас в лоб тому выпалю
Тут, у церкви Кармелитов» ****)

Пушкин, повторяю, очень опасался европейского вмешательства. Другу своему Нащокину он пишет: "... Ожидаем важных известий и из Польши и из Парижа. Дело, кажется обойдется без европейской войны. Дай-то Бог!" В письме к П. Вяземскому в начале августа: "... Я все еще боюсь: генеральная баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное. А если мы и осадим Варшаву, то Европа бу-

*) См. А. Sokolowski: *Dzieje powstania listopadowego*.

**) Сам Адам Мицкевич однажды обмолвился: "Не пробил еще великий час, И польские орлы у Храброго границы победной стаею еще не собрались И кровию врагов еще не напились". Храброго граница — железные столбы, якобы вбитые Болеславом Храбрым в дно Днепра у Киева! X в.

***) Rajnhold Suchodolski (1804-1831). Автор сборника *Ulubione plesni*, 1831 г. Писатель малого таланта, но горячего польского патриотизма. Убит во время восстания.

****) Перевод мой.

дет иметь время вмешаться не в свое дело“. Это же чувство имел и М. Погодин, и Шевырев, писавший приятелю после взятия Варшавы: ”Какою радостью закипела душа при известии о взятии Варшавы! Это дает какую-то уверенность в нашей мощи непобедимой и вселяет в Европу уважение к нашей воле“.

* * *

Вторая часть с ее славянскими ручьями втекающими в Русское море особенно интересна для славяноведов и славянофилов. П. Я. Чаадаев высоко оценил стихи Пушкина: ”Enfin, vous voilà poète national; vous avez enfin déviné votre mission . . . “ (Наконец-то вы стали национальным поэтом, наконец вы угадали вашу миссию).

Еще в 1793 г. одописец В. Петров призывал к объединению, напоминая славянам об их общем происхождении *), а во главе их всех Россы:

«К ружью! о храбрые Славяне . . .
Родоначальник наш един . . .
Придет некогда то время,
В которо все Славянско племя
В честь Норда препояшет меч,
Росс будет телеси главою,
Тронув свой род побед молвою,
Он, каждый в расточеньи член
Собрав, в едино совокупит . . . »

В 1801 г. Г. Державин воспевает в стихах на смерть Александры Павловны ”Славяно-русско-сербско царство“.

В. Б. Броневский 1807 г. написал записку-трактат ”О пользе освобождения славян Россиею“. Там он гово-

*) Те же идеи встречаем и у польских поэтов и у словако-чешских (Трембейский, Воронич, Коллар). Ян Коллар в своей ”Дщерь Славы“ во главе всех славян ставил Россию. Она глава их.

рит: "... В интересах России присоединить к своим силам силы славянские". Т. Шевченко в послании к П. Шафаржику в стихах скажет: "На вики и вики! и потеклы в одно море славянскыи рики" ...

Польский ученый и философ Гене Вронский *) давал именно России в своих панславянских мечтаниях первое место. Под эгидой России де образуется новое "братство святого Духа", оно и даст направление для движения вперед всего человечества и создаст славянскую федерацию-братство всеславянского объединения. Друзья Пушкина — Хомяков, Погодин, И. Киреевский, С. Аксаков, Веневитинов, Венелин и др. мечтали о братстве славян.

Позднее среди ряда декабристов и их польских друзей всплывала не раз идея объединения всех славян **). Декабрист Мамонов требовал, чтоб Россия силою объединила славян; его сотоварищ, тоже декабрист, Горбачевский в показаниях об обществе "Соединенных Славян" говорил о идее и "насильственного объединения славян" Россиею. Понятно, что памятуя польские притязания на древние границы Речи посполитой. Пушкин в "Бородинской годовщине" вопрошает со скрытой угрозой:

«Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Вольнь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,

*) (Ноепе) Юзеф Вронский (1778-1853), крупнейший математик; создатель гуманистическо-мессианистической системы в области философии.

**) Ср. стих А. Одоевского о славянстве: "Боже! Когда же сольются потоки В реку одну, как источник один?" ...

Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?»

Со временем некоторые из прежних критиков-хулителей поэта стали повторять его же стихи, подражать, в бессилии с ним сравняться. П. Вяземский высмеивал восторг Пушкина, его "географические фанфаронады" перед пространствами России, где от мысли до мысли пять тысяч верст. Тот же Вяземский в 1854 году *) гремел:

«... Со льдов Двины до берегов Дуная,
С Алтайских гор за рубежи Днепра
Да грянет влики по гласу Николая...»

Пушкин не был противником свободной Польши. Польша могла и должна была быть или стать свободной. Свободной, но не за счет России и ее земель! Этот взгляд проводил в своей статье тех лет и М. Погодин. Именно его исторические взгляды и рассуждения оказали в 1830-1831 г.г. большое влияние на Пушкина. Следует все же отметить, что очень часто поэт не любил Польши. Есть и свидетельство П. И. Бартнева об дурных отзывах Пушкина о Польше. В письме к уже замужней сестре поэт пишет: "Пусть твой муж рисует тебе, сколько ему угодно, счастье проживать в Польше, вдали от родины; не верь заманчивым картинам, сам не знает, что говорит..." И через тридцать с лишним лет новое польское восстание опять привело к размежеванию патриотов и левых, как это было в 1830-1831 г.г. И вновь хлопы русских, древних областей, да и сами польские крестьяне не поддерживали своих господ. Велик был героизм поляков, их шляхты и огромного большинства интеллигенции, велик и... исторически тщетен, а для нас, историей и не оправдан.

* * *

*) Сборник стихов "К ружью" 1854 г. и В. Францев *Op. cit.*, стр. 120-121.

5.

*К*** ("Я помню чудное мгновенье") — А. П. Керн 1825 г.*

В этом этюде я не буду возвращаться к сказанному уже в общем комментарии, а использую свою лекцию о любви у Пушкина и печатную статью "Бабушка, мать и внучка" 1957 г. *). Сила, Власть непобедимо прекрасная Красоты, с юных дней овладевала умом и душой поэта. Еще в 1817 г. он писал о любви и красе:

«... Душа проснулась, ожила
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...
Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом проснувшиеся струны
Несу к твоим ногам!..»

Относятся ли эти строки к Бакуниной или нет, не существенно. Важен тут мотив возрождения, сердца и поэтического дара, при благоговейном созерцании женской красоты. Из этого же чувства и родилось "Я помню чудное мгновение".

Крылатый гений "чистой красоты" пробудил, поднял и осветил душу в ее полете к Прекрасному.

Бывают стихотворения особой идейно - лирической емкости, они как бы создают возможность нескольким поэтам высказываться на сходную тему. Гений-зачинатель музыкой звуков, мелодикой стиха, вызывает подобное же звучание у других поэтов. Образы (эйдос) кажутся столь

*) "Н. Р. С." Нью Йорк, 5 февраля.

яркими, притягательными, "своими", что в том же "ключе", пользуясь теми же, или схожими образами, и иная индивидуальность творит нечто созвучное в том же стиле. И здесь мы находим не совпадение тем и даже не стиль эпохи решает дело, а происходит зарождение от того же корня. Я называю это "родством по женской линии". Речь у нас здесь о "Песне" 1815 ода В. Жуковского, стихах А. Пушкина 1817 г. и его же к А. Керн 1825 г. и, наконец, "К. Б." Ф. Тютчева 1870 г. Во всех этих стихотворениях есть отклик романтизма и у Тютчева он сильнее, чем у Пушкина. Я вполне согласен с Ю. Тыняновым *) утверждавшим: "Тютчев, генетически восходя к немецкому романтизму, стилизует старые державинские формы и дает им новую жизнь — на фоне Пушкина". Тынянов же подчеркивал витийственно догматическую традицию восемнадцатого века у Тютчева. О тесной связи Жуковского с романтизмом и о его влиянии на Пушкина не стоит и говорить, столь это общеизвестно.

В. А. Жуковский был предан до гроба очарованию минувшего. Именно первые шестнадцать строк "Песни" я и считаю основой последующих стихотворений — и пушкинского 1825 г., и Тютчевского, через Пушкина, в 1870 году.

Жуковский и грустит и радуется любовному воспоминанию:

«Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минутой стало
Незримое с давнишних пор

*) См. его статью "Тютчев и Гейне"

О милый гость, святое прежде,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: живи, надежде?
Скажу ль тому, что было: будь!
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоты?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?»

Пушкин сближается с Жуковским не одними сходными словами — *мечты, красота, душа, разбудил-пробудил* и т. п., но основой тематики, образами очарования прошлым в настоящем, *пробуждением* былого.

Еще более примечательна зависимость тютчевского стихотворения от Пушкина и по форме, и по содержанию. Содержание же мыслится мною не вне, а в связи с облекающей и проникающей его энтелехией *) — формой. Особенно же подчеркиваю здесь лирическую емкость обоих стихотворений. Стихи, любовные стихи почти семидесятилетнего Тютчева — отклик на его личную влюбленность и, вместе с тем — эхо поэзии Пушкина. До конца своей жизни Тютчев сохранил живую способность влюбляться. "Жар сердца" не остывал с годами. Даже самое сильное и продолжительное его чувство — любовь к Денисьевой, не было его последней влюбленностью. И после ее смерти этот всепроникающий огонь поэзии не угас. И в приводимых стихах звучит не один голос Прошлого, но и кипучее Настоящее Тютчева поет в нем. Неистребимая способность влюбляться была не менее, а еще более свойственна Пушкину, особенно в молодые годы. Лирическая, лично лирическая настроенность Тютчева вызвала в нем "звучание" похожих стихов Пушкина и создала прекрасное подражание. Вот стихотворения обоих поэтов поставленные одно против другого.

*) Напомню, что по Аристотелю "форма или энтелехия организованного тела" есть его сущность.

К. *) А. Керн — Пушкин.

Я помню чудное мгновенье: *)
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для меня воскресли вновь
и божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы и любовь»

* * *

«К. Б.» — Тютчев.

И встретил вас, и все былое
В ожившем сердце ожило,
Я вспомнил время золотое,
И сердцу стало так тепло.

*) Подробнее см. в главе УП.

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас.

Так весь проникнут дуновеньем
Тех дней душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты.

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас как бы во сне,
И вот слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне.

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь».

Оба поэта изображают впечатление от встречи с весьма очаровательной женщиной. В обоих вспыхивает воспоминание о восторге первой встречи. Это воспоминание при новой встрече через несколько лет не пробуждает страсть-желание, не пробуждает и грусть. Свет радости заливает их сердца.

Образ любимой женщины создает ощущение некоторой полноты бытия, упоения и полета. Новая встреча с красотой есть повторение прелести первой в прошлом. Но Прошлое совоскресает, внезапно, в Настоящем. Наконец, оба поэта подчеркивают пробуждение души, именно души, ее воскресение в жизнь при виде черт лица любимой. И вдохновение оживает в их душах вместе с волной поднявшегося чувства любви, радости и светлого приятия жизни.

Центральная идея обоих стихотворений есть *магическое*, живительное, пребывающее в красоте женщины, и в красе воспоминания. Отсюда и их благодарная радость. В

сбоих стихотворениях есть некий налет, полутон элегичности, особенно у старика Тютчева, но нет ни непосредственной страсти, ни любовной тоски, хотя оба заканчиваются словом — *любовь*.

Пушкин и Тютчев писали и сходным размером (в обоих стихах — ямб $4\frac{1}{2} + 4\frac{1}{2}$). Оба начинают со слова "Я". При сравнении сходных слов мы находим свыше 10 % тождественных: *Я, день, душа, сердце, черты, упоенье* и т. п.). У обоих в стихах очень схожи и некоторые рифмы: *черты-красоты, черты-полноты, виденье-упоенье, дуновение-упоенье* и др. Концовки стихотворений выдержаны в одинаковой форме. Тематическо - фонологическое содержание заключительных строк — одно и то же.

Пушкинское стихотворение несомненно явилось той канвою, по которой Тютчев вышил позднее свой прекрасный узор лирического стихотворения. Здесь мы имеем редкий случай ясного отражения одного стихотворения в другом при сходстве чувств переживаемых обоими поэтами.

Бывает в жизни так: бабушка передает одну-две характерные черты своего лица дочери, а внучка — вылитая мать. Так, думается, было и с тремя лирически связанными стихотворениями о светлом воспоминании Красоты, о власти воспоминания над душой Жуковского, Тютчева и Пушкина.

Здесь, как бы обратно мысли поэта, свидание стало живее самой разлуки.

Спасибо же А. П. Керн, что она помогла создать своей милой юной красою это стихотворение влюбчивого поэта. А все последующее, разве теперь нас касается?

* * *

6.

"Воспоминание". "Заклинание" (1828 - 1830).

Тридцать три года тому, как пришлось мне поздней ночью оставшись на ночлег в комнате любезного и дорогого профессора Ивана Ивановича Лапшина начать разговор о лирике Пушкина. Тогда, угощая меня чаем, Иван Иванович воскликнул, что самое сильное, самое потрясающее по теме и исполнению лирическое произведение Пушкина — "Заклинание". Профессор Лапшин не был мастером декламации, но тут почти шепотом, приглушенным старческим уже голосом, он прочел все стихотворение так, что волосы у меня шелохнулись от дуновения восторга и ужаса. Не знаю имело ли это стихотворение особь, лично близкий, отклик в прошлом хозяина-эрудита. Несколько раз позднее я пресил, а раз так умолял своего профессора прочесть опять, но Иван Иванович уклонялся. С большим интересом читая краткий деловой комментарий-примечание к стихам Пушкина *), я не нашел ни строчки, ни слова о стихах "Заклинание". Факт очень интересный и прискорбный. "Заклинание" и "Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы" не имеют комментариев Т. Цявловской, а они глубоко связаны со всем творческим путем поэта, с мраком и тайнами горячего сердца в период ночного бдения.

Есть люди, к ним принадлежал и Пушкин, для которых Прошлое обладает почти равной мощью с Настоящим. Прошлое имеет уже вполне законченные, неизменные формы. "Сами боги не могут изменить бывшее". Впечатлительная кипучая душа поэта, человека редкой силы памяти, возвращалась к Минувшему, к Былому. С высоты

*) См. "А. С. Пушкин. Собрание Сочинений. Москва т. II, 1959. Общая редакция Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксима. Ср. стр. 724 сл.

прошедших, нагроможденных лет он по новому расценивал и себя — дела свои, речи и помыслы; тосковал об утраченном, горевал и горько плакал о грехах, о упущенном и ныне невозвратимом. К зрелости он уже постиг, что такое грех, поэт видит слабости и своей и вообще человеческой природы: "Напрасно я бегу к Сионским высотам, Грех алчный гонится за мною по пятам..." Его томит дума о бесплодности позднего раскаяния —

«Раскаяньем горя, предчувствуя беды»,

"До капли истощив раскаянья фиал" *) ; или ранее **): "Воспоминание безмолвно предо мной Свой длинный развивает свиток: И с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклинаю, И горько жалуюсь, и горько слезы лью, Но строк печальных не смываю". Раскаяние, какой бы оно силы не было, не может "переменить сердце", утишить боль совести от совершенного в Прошлом греха и Зла. Только Покаяние верующего, с помощью Божией, может это совершить. Пушкин это понимал и частично выразил в стихах-переложении покаянной молитвы Великого Поста: "Отцы пустынноики..."

Пушкина вместе с силой, неизменной властью воспоминаний, поражала и переменчивость, внезапное охлаждение своего горячего, трепетного сердца поэта и любовника. В стихах на смерть А. Ризничь он потрясен тем, что смерть, недавно горячо, неистово любимой женщины, его почти не трогает. Он все помнит, видит, а не тоскует. Почему? Что случилось с горением сердца?..

«... Но недоступная черта меж нами есть ***).

Напрасно чувство возбуждал я:

Из равнодушных уст я слышал смерти весть,

И равнодушно ей внимал я.

Так вот кого любил я пламенной душой

*) 1829 г. Воспоминания в Парском селе.

**) 1828 г. "Воспоминание".

***) Стихотворение 1826 г. "Под небом голубым страны своей родной".

С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени».

В предшествующих строках поэт говорил о том, что "верно, надо мной Младая тень уже летала". Легковерная, надеялась на отклик любви в сердце того, к кому прилетела на крыльях воспоминаний и не нашла "ни слез, ни пени". И вот, тут происходит чудо власти воспоминания. Родилась печаль. "Но как вино — печаль минувших дней В моей душе чем старе, тем сильнее" *). И стало его воспоминание "будить мечту сердечной силой".

В тишине осенней ночи в селе Болдино свершилось чудо, созрело чувство любви к Прошлому, а искусство требовало воплощения, удержания Былого, победы над исчезнувшим, но существовавшим. Надо, необходимо было вызвать любимую тень. Вся сила созревшей страсти, вся мощь слова вложена в страшные, а вместе и прекрасные стихи чар Заклинания. Тень **) любимой должна предстать в тайный и мраком окутанный миг ночи. Из глубины могильной тьмы она должна явиться поэту. И все равно, в виде ли легкокрылого дуновения, светлой далекой звезды ночи, как страшное видение. Поэт зовет тень ***). Зовет, чтоб сказать лишь, что все люблю я, Что все я твой. Сюда, сюда!" Невозможно прозой передать всей силы мысли и чувства вложенных в ритм и музыку стиха. Печаль о муках близкого существа. Мысли, сомнения о том, что ждет нас после смерти, горечь упреков тем или тому, кто

*) Элегия 1830 г. — Болдино.

**) Слово "тень" связано в памяти поэта с образом А. Ризнич в нескольких стихах.

не берег любимую, а ее мучил. А над ^евсѣмъ любовь воскресшая в зыбких, тонких, прозрачных, но неразрушимых тканях Воспоминания.

«О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые;
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Лейлы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда! *)
Явись, возлюбленная тень
Как ты была перед разлукой,
Бледна, холодна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно: сюда, сюда!
Зову тебя не для того,
Чтоб укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь . . . но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!»

Воспоминание часа "незабвенного", часа печали и слез откликнулось, нашло плач и пени и слезы в стихах о той же Незабвенной — и Для берегов отчизны дальней“.

« . . . Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив любви лобзанья

*) Слова трижды, в силе и духе заклятий, повторенные.

Мы вновь, мой друг, соединим»
Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом *),
Где под скалами дремлют воды
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
Исчез и поцелуй свиданья...
Но жду его: он за тобой!»

Хочется верить, что тень любимой прилетела во мраке Болдинской ночи, когда поэт слушал звуки тьмы и "парки бабье лепетанье"; тень явилась на зов, заклинание победило сон смерти. Но поэту и этого было мало. Прошлое охватило его со всей властью непобедимого и прекрасного и он потребовал от "бедной легковерной тени" и поцелуй свидания. Здесь уже разрушаются преграды земного бытия и трепещет свет некоего иного мира, иных надежд и упований, бестелесного лобзания земной и сверхземной любви **).

* * *

7.

Переключки образов и ритмов.

Есть ученые (Г. Винокур) считавшие, что в художественном произведении, "в художественной речи" все образно ***). Романтики утверждали под влиянием немецкой эстетики: "Поэт мыслит образами". Вопросы повторения доро-

*) А. Ризнич умерла на Юге Европы.

**) Идея продолжения любви и после телесной смерти, не без влияния пушкинских стихов разработана в новелле "Клара Милич" И. Тургенева. Милич, Ризнич — сербские фамилии. На опасность для христианина этих попыток при всей их художественности, указал И. М. Андреев.

***) Г. О. Винокур. *Избранные работы по русскому языку*. Москва 1959. См. по вопросу образа в художественной литературе В. В. Виноградов: *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. 1963, стр. 94-129.

гих сердцу Пушкина образов- *эйдосов* мы касались в общем обзоре лирики. Здесь же на трех разновременных и разных жанров стихотворениях, попробую указать на роль образов или точнее — звуко-образов бури и мертвеца. Все три произведения написаны похожим размером в 8-7, 8-7 слогов и сходным рифмованным а,в,а,в... стихом.

Первое — "Зимний вечер" 1825 г., второе — "Утопленник" 1828 г., третье — "Вурдалак" 1834 г. Сходство этих трех произведений в том еще, что в них живут отклики народных поверий, песен, преданий:

«... Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой по утру шла».

Просит поэт в "Зимнем вечере" старушку няню. Первым подзаголовком к "Утопленнику" было приписано рукою поэта в первом издании — ("Простонародная песня). Во втором издании Пушкин назвал "Утопленник" — (Простонародная сказка), *сказка* в смысле — сказание, рассказ. "Вурдалак" *) целиком построен на древнеславянских преданиях о вампирах, упырях и упоминает известный в Югославии обычай заклятья вампира-упыря землей с могилы, проглоченной с особой молитвой; это сатирическо-шутливое осмеяние труса. Но все три стихотворения, разделенные годами, принадлежат по своему тону, строению в сцеплении образов, в изображении общей картины, к трем существенно отличным жанрам. "Зимний вечер" в убогом полутемном домике, окруженном тревогой и завыванием зимней бури представляется нам в виде трогательно-дружеского обращения опального поэта к дорогой ста-

*) Точный источник для этого стихотворения мне неизвестен. О двух близких и возможных источниках для этого произведения м. б. мне удастся опубликовать отдельную работу.

рушке няне *). Он просит ее спеть ему народные песни сказочного типа и зовет "добрую подружку" изгнания выпить с горя, чтоб развеселить сердце. И вновь слышен гóлос бури, несущий мрак и снежные вихри, и повторно поэт зовет подругу дней суровых, свою дряхлую голубку выпить и развеселить, согреть сердце. Все стихотворение словно делится на две части: 1) Голоса бури, шорохи, стоны, смерчи снега, странные стуки холодных бледных рук снеговихрей. Воеет, плачет метель. Темно в убогой лачужке. Старушка няня молча сидит у темнотой задернутого окошка.

2) Слышится ободряющий голос поэта, друга и близкого полуузнаника. Он озабочен ее молчанием, зовет ее пробудиться и помочь ему своим пением да дружеской кружкой вина. Не случайно сказано "сердцу будет веселей". В Библии читаем: "... Вино веселит сердце человека... " "Зимний вечер" в основе, печальная картина и монолог писателя. Это — чистая лирика в реалистической раме, простой и вместе художественной работы. Под "рамой" я подразумеваю всю данную в звуко-картинах обстановку печального вечера в убогом домишке села Михайловского 1825 г.

Нечто другое "Утопленник". Его стихи того же размера 8-7, 8-7 слогов в стихе охватывают не четыре октавы, как в "Зимнем вечере", а все десять октав. Состав этого произведения гораздо сложнее и композиция его, и стилистические приемы, и язык гораздо богаче и разнообразнее. Авторскому голосу, голосу повествователя, дающего описания, делающего замечания-ремарки типа — "Мужику какое дело?..." "Из-за туч луна катится"; "В самом де-

*) В декабре 1824 г. Пушкин писал Д. Княжевичу: "Буря, кажется, успокоилась. Осмеливаюсь выглянуть из своего гнезда и подать вам голос, милый Дмитрий Максимович. Вот уже четыре месяца, как нахожусь я в глухой деревне... вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... она единственная моя подруга и с нею только мне не скучно".

ле, при реке, где разостлан мокрый невод, мертвый виден на песке“ и т. п., — дано много места. В стихотворении 58½ стихов принадлежат авторскому голосу и только 21½ мужику, его детям и мертвецу.

Все стихотворение изобилует переменой времен и наклонений, постоянно чередующихся: *Прибежали, зовут, притащили, врите! Заворчал, будет, наедет, отвечайка, не разберусь, делать нечего, дай* и т. д. Времена в предложениях в строгом соответствии с изображаемым действием и разворачиванием картины за картиной. Язык в виду подзаголовка имеет ряд местных простонародных оборотов, слов и звуков. Ср. *”Вон, тятя, э-вот“*, *”Ох, уж эти мне ребята!“* *”Черт занес тебя сюда“* и некоторые другие. Начав с прошлого времени свой первый стих и с народного *”второпях“* *) Пушкин кончает стихами о возвращении утопленника-упыря в настоящем времени близком однако к *praesens historicum*. Реализм, почти натурализм ряда сцен, оборотов разговорной речи, исключителен:

«... Кто там?» — «Эй,пусти хозяин!» —
Ну,какая там беда?
Что ты ночью бродишь,Кайн?
Черт занес тебя сюда:
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает **) он окно...
Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,

*) О *”второпях“* интересную работу опубликовал проф. Иосиф Трыпучко: *”Russe второпях... Contribution à l'étude des adverbess slaves“* par Jozef Трыпучко. Upsala 1949, pp. 15-36. О. о в литературный обиход ввел это выражение гл. образом Пушкин.

**) В бедных крестьянских избах России окошко было около 1 фута (1 ф. равен четверти полторы). Это оконце было с волоком, т. е. задвижным ставнем, часто и без стекла. Служило оно по В. Далю *”для опросу приходящих“*, для подачи милостыни и для выпуска дыма. И в сам *”проем-окно“* стекло редко вставлялось в бедной лачуге-избе.

Взор открыт и недвижим,
Все в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились».

Ужас неподвижного видения подчеркнут не только немигающим видом глаз, их полным покоем в глазницах, но и словами "Все в нем страшно онемело", в смысле замерло. И сразу же следуют грубые и злые слова мужика-виновника мытарств непогребенного по-христиански тела: "Чтоб ты лопнул!" прошептал он, задрожав". Вообще характер ленивого, сурово эгоистичного мужика раскрывается в течении всего стихотворения все полнее и полнее: Дети для него — "щенки", прохожий — Каин. Он не думает о утонувшем — "Мужику какое дело?".

И все же перед нами лирико-эпическое произведение типа баллады. Под балладой я подразумеваю среднего размера лирико-эпическое стихотворение с использованием фольклорного элемента, где должна быть описана некая семейная трагедия. Баллада может быть среди анонимного народного эпического и лирического творчества, или создана определенным писателем, на тех же основах. Так, баллада сербско-босанская народная песня "Женитьба Милича Знаменоносца" и баллада "Светлана" Жуковского или его же перевод с английского о Смакгольмском бароне. "Утопленник" и есть лирико-эпическая баллада. Голос автора, его постоянное присутствие ощутимы и они-то и создают высшую художественность, требующую у всякого реалиста *) сочувствия к изображаемому с этической точки зрения. Прислушаемся к нашему Пушкину:

«... Мертвый виден на песке.
Безобразно труп ужасный

*) Об особенностях русского реализма XIX в. См. мою статью "Der Realismus in den Werken der russischen Klassiker des XIX Jahrhunderts". — Zeitschrift f. slav Philologie, Bd. XXVII, Heft 1. 1958.

Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец ? . .
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом».

Мы начинаем гадать, сочувствовать, надеяться, что бедняга, или несчастный горемыка, найдет могилу, а над ней христиански раскрытое объятие родного креста. Грубость, бесчеловечие безжалостного эгоизма подчеркнута поэтом:

«Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом . . . »

Поэт мог не изменяя ритма вместо повторения местоимения *он* заменить его просто союзом "и". Но тогда исчезло бы повторное подчеркивание личности, совершающей проступок. Сильнее и яснее: *он* спешит, *он* . . . тащит.

"Вурдалак" в свой основе шутка, издевка, где трусу Ване сперва померещился на могиле упырь, а оказалась то собака, грызущая кость в темноте кладбища. В чем же переключка не сюжетов, а образов и где она начинается?

Прежде всего она в том одинаковом ритме и стихе, рисуемом в быстром чередовании строк равного размера нечто страшное, или нечто вообще связанное с народно-русским фольклором. В "Зимнем вечере" лачужка ветхая, темная окружена завыванием бури. Небо покрыто мглой, *воет, стучит, шумит* буря. Она персонифицируется, делается *путником у окна*. *Шумит* непогода в "Утопленни-

ке“. В дымной хате темно (”лучина догорела“), как в лачужке поэта в 1825 г. Сонная няня, и сон детей, дрема хозяйки в ”Утопленнике“. Буря, не ветер, а опять же *буря соет* и *кто-то* стучит в окошко. Слова почти одинаковы: Буря, шум, вой, стук, в окно бедной хаты, лачуги, избы. И слова о буре и стуке, как и в ”Зимнем вечере“ опять же в повторе замыкают оба стихотворения. Первое — ”Зимний вечер“ грустное, печально-дружеское, ”Утопленник“ — грозное, трагическое; не случайно в нем повторение слова ”ужасный“. А последнее о Ване, испугавшемся в темноте собаки и думавшем о мертвце — добродушное, искрящееся юмором живой насмешки.

Словно исчезли без следа и буря, и упыри, и все разрешается в освобождении от страха смехом. Это освобождение дано в тех же звонких и легких восьми-семи сложных стихах, но уже из октав они сделались короткими кватренами. Так, думается мне, эти три стихотворения имеют внутреннюю переключку ряда образов, картин, ритма и того страха, грусти, сожаления, смеха и любви ко всему живому и мертвому под солнцем, что свойственны Пушкину.

ПОСЛЕСЛОВИЕ .

Из благодарности к богу поителю, богу живой текучей воды, в древности бросали дары и монеты в стекло чистых вод. Всю сознательную жизнь я пил из источника Пушкинского творчества. В старости пришла мысль опустить в Кастаньский ключ поэта и свою лепту благодарности.

Сколь часто, в годы горьких раздумий о временном торжестве Зла, Подлости, Лжи и Жестокости у нас на Родине, я брал в руки потертый в скитаниях том Пушкина. Я говорил: О, поэт, о, первая любовь великой России, ответь мне, утешь меня малого, загнанного сворой злых мыслей и опасений, близко, совсем близко к тупику отчаяния, — скажи, ужели Россия все будет и будет служить сатанизму путем и через силу русской доблести, русского гения?.. Шелестели сухо листья и голос, живой голос слышался мне, голос Пушкина: "Чего испугался? За Россию ли боишься? Страшное время . . . А были же медленные века темной татарщины? — Выдержала!.. В литературе была пустыня, а гляди что выросло!" И Пушкин утешал и освещал нутти изгнания, мои и многих мне подобных. Была в нем, жила и жива Любовь и Вера, Гармония и Красота. Теплота и Свет "Солнца русской поэзии".

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие	стр.	7
Глава I. Вступление		9
Глава II. Общий очерк		16
Глава III. Отношение лирики Пушкина к его предшественникам и современникам		26
Глава IV. Вольнолюбивые мечты		43
Глава V. Ссылка на Юг		52
Глава VI. В уединении села Михайловского		62
Глава VII. Последние годы		89
Глава VIII. «Возвращается ветер на круги своя»		94
Глава IX. О некоторых лирических шедеврах		104
Послесловие		142

